

The book cover features three characters with long, flowing silver hair and striking red eyes. They are shown in profile, looking towards the right. The background is a dramatic, swirling mass of bright orange and red flames. The characters are wearing dark, high-collared garments. The overall mood is intense and mysterious.

ОЛИВИЯ МУН

ХРАНИТЕЛИ СЕВЕРА

Оливия Мун

Хранители Севера. Хаос

«Автор»

2026

Мун О.

Хранители Севера. Хаос / О. Мун — «Автор», 2026

Грань трещит. Древняя преграда, веками удерживавшая хаос по ту сторону мира, истончается с каждым днём. В разломах уже вспыхивают алые глаза существ, жаждущих часа освобождения. Север вновь становится последним рубежом. Асуры продолжают стоять на страже границы, но даже их сил больше не хватает, чтобы сдержать надвигающуюся тьму. Мелисса чувствует, как чужая воля прорастает в её крови, шепчет, требует расплаты и зовёт открыть двери хаосу. Бернар сталкивается с прошлым, которое невозможно пережить дважды: любовь становится приговором, и его собственная рука ставит точку там, где он так хотел спасения. Талли впервые позволяет себе признать страх и, взглянув ему в лицо, делает шаг навстречу судьбе. Мир, который они знали, рушится. Прежние клятвы больше не защищают. Каждому предстоит заплатить свою цену. Но хватит ли её, чтобы остановить тьму?

© Мун О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	23
Глава 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Оливия Мун

Хранители Севера. Хаос

Пролог

Над бескрайней, чёрной равниной вспыхнули алые молнии, полыхнув так ярко, что на миг стало видно каждую трещину в выжженной земле, но тут же всё снова утонуло во мраке. Вокруг, сколько хватало глаз, простирались израненные просторы, где вместо воздуха хотелось закашляться от густого смрада — едкого запаха горящей серы, перемешанного с ледяным духом тлена, что насквозь пропитал здешние камни. По потрескавшимся, ещё дымящимся равнинам метались бесформенные тени. Они сбивались в плотные клубы, кружились в безумном хороводе и тут же рассыпались горячим пеплом, который ветер уносил в пропасть.

На выступе огромной, обугленной скалы, что возвышалась над этим адом, застыла волкоподобная фигура. Это был не просто зверь, а сама тьма, что решила обрести плоть: по его телу, от мощных лап с когтями, впившимися в камень, до самого высокого загривка, струился живой чёрный огонь, мягко лизавший воздух шелковистыми языками и искажавший всё вокруг, словно мир плавился от одного его присутствия. Вожак медленно, с хрипом потянул носом, его влажные чёрные ноздри жадно дрогнули, вылавливая в едкой вони то единственное, что имело значение — сладковатую, пряную ноту приближающейся смерти. Глаза зверя, похожие на два раскалённых уголька, тускло сверкнули из-под тяжёлых век, отразив не только зарево пожара в долине, но и багровое марево какого-то иного, запредельного мира. Шершавый, тёмно-сизый язык неторопливо, почти лениво провёл по ряду острых клыков, будто зверь уже пробовал на вкус сам воздух, отравленный томительным ожиданием.

«Скоро. Совсем скоро», — подумалось ему, но мысль ещё не успела оформиться до конца, как сзади раздался тихий, шелестящий голос.

— Я чувствую... Моя кровь взывает ко мне, — прошептал кто-то, и звук этот был похож на шорох змеиной чешуи по камню, но раздавался он будто прямо в ухе, внутри черепа, не оставляя сомнений — говоривший был частью того же самого сознания, той же древней сущности.

Вожак медленно, одними уголками пасти улыбнулся, обнажив влажные ряды клыков.

— Да, — согласился он низким, грудным рычанием, от которого мелко вздрогнул пепел у его лап. — Сейчас этот зов слышен сильнее всего. Грань между мирами снова скоро рухнет...

Где-то далеко внизу, среди вечно движущихся теней, послышался тихий, скрипучий смешок, похожий на скрежет ржавого железа.

— Жажда того человека и вправду сильна, — снова заговорил голос, но теперь он звучал чуть левее, словно его обладатель бесшумно обошёл вожака кругом. — Жалкий, жалкий человечка... Он рвётся к силе, даже не представляя, что ему её ни за что не получить. История повторяется вновь, в который уже раз.

Волк опять улыбнулся, но в этой улыбке не чувствовалось ни злобы, ни торжества, только старая, давно въевшаяся в душу горечь.

— Ему никогда не стать Ею, — его лёгкий, почти печальный шёпот сорвался со скалы и тут же растворился в завывании ледяного ветра, что гулял меж утёсов.

— Да... — просто и безлико откликнулся голос. — История и вправду повторяется, никто ничему не учится. Странно всё это, да? Вроде уже всё было, всё своими глазами видели... и снова наступают на те же грабли.

— Люди никогда не научатся, — прошелестело в ответ, и эхо этого шёпота, многократно усиленное, разнеслось по всей долине, смешиваясь с воем ветра и треском догорающих где-то далеко пожаров.

Вожак резко повернул голову, уловив внезапное дуновение ветра, принёсшее новый запах. Он снова глубоко втянул воздух, расширив ноздри. Мир вокруг по-прежнему пах смертью, пеплом и чужим безумием, но сквозь всю эту густую воню он учуял кое-что ещё — тоненькую, едва заметную ниточку живого. Запах крови, которая помнила всё с самого начала. Запах, который тысячи лет подряд, знаменует собой неизбежный конец. Где-то там, за тонкой, как паутина, завесой миров, её сердце дрогнуло во сне, и этот слабый, едва уловимый зов наконец-то дошёл до него сквозь все преграды.

— Пора, — прохрипел он глухо, и пламя на его загривке вспыхнуло с новой, нетерпеливой силой, ярко обнажив контуры могучего, жилистого тела под чёрной шерстью. Мышцы на лапах собрались в тугую, стальной жгут, камень под острыми когтями жалобно затрещал, осыпаясь мелкой крошкой в пропасть.

Вожак мощно оттолкнулся от края скалы, и огромное тело на миг зависло в воздухе, чёрное на фоне багрового неба.

— Пора встретиться с её новой кровью, — прозвучало в голове у того, второго, и эхом отозвалось в каждой частичке этого гиблого места.

И с чёрной скалы, что торчала в самом сердце пылающего мира, сорвалась вниз не просто тень, а сама воплощённая тьма, стремглав понёсшаяся навстречу судьбе, которая после долгих лет затишья наконец пришла в движение.

Глава 1

Кромешная ночь окутала дворец. Бальные залы, где ещё несколько часов назад звенел смех и лился свет из хрустальных люстр, теперь застыли в напряженном молчании, которое, казалось, можно было потрогать руками. Осколки разбитых бокалов валялись на потрескавшемся мраморе, тускло поблескивая в темноте, словно погасшие звезды, которым больше не суждено засиять. Воздух в коридорах стоял спертый и тяжёлый, насквозь пропитанный запахом страха, пролитого шампанского и крови — казалось, сами стены впитали в себя весь ужас минувшего вечера. Где-то далеко, в глубине дворцовых покоев, ещё слышались приглушённые женские рыдания: те, кому посчастливилось запереться в комнатах, уже никогда не забудут этот бал.

В зале для приговоров царила такая густая тишина, что она болью отдавалась в ушах. Мелисса стояла у высокого окна, невидяще вглядываясь в чёрную мглу за стеклом, и её глаза сейчас казались пустыми и тёмными, как сама эта безлунная ночь за стенами дворца. Она не замечала тусклого мерцания магических светильников на каменных стенах — все её мысли сейчас были прикованы к той древней, чужеродной силе, что текла в жилах, отравляя каждую клетку тела липким, цепким ядом. *«Они должны заплатить,»* — нащёптывал в сознании тот самый голос, одновременно чужой и до боли свой, впившийся в душу мёртвой хваткой. — *«Все до последнего...»* Она с силой вцепилась пальцами в холодный каменный подоконник, пытаясь заглушить эту внутреннюю боль физической, и ногти до крови впились в кожу, оставляя на белом мраморе тонкие алые полосы. Ладони горели огнём, но это было ничто по сравнению с тем ледяным пламенем, что пылал сейчас у неё внутри.

Позади, в густом полумраке зала, застыл Бернар. Его холодный, неотрывный взгляд был прикован к Брайану. Челюсть юноши была сжата до хруста, а в глазах застыл тот самый северный лёд, что веками ковался в глубоких пустошах за Стеной. Рыцарь, в свою очередь, не сводил глаз с Талли — всё его тело было напряжено до мелкой дрожи, и он то и дело порывался сделать почти незаметный шаг в её сторону, но Бернар не позволял. Каждый раз, стоило Брайану чуть сместиться с места, асур тут же делал встречный шаг, бесшумно вставая между ними непреодолимой стеной.

Талли стояла чуть поодаль, ссутулившись так, будто хотела стать меньше и незаметнее. Её пальцы судорожно сжимали и разжимали сбившуюся в гармошку ткань платья — она пыталась таким простым движением подавить подкатывающий к горлу горький ком. Губы её беззвучно дрожали, а плечи мелко содрогались от едва сдерживаемых рыданий, которые она изо всех сил пыталась задавить в себе. Она не смела поднять взгляд на Брайана, просто не могла. То, что произошло между ними сегодня, перевернуло всё вверх дном. Она прекрасно знала: как только воины вернутся с теми, кого назовут виновными, их отряд сразу же уйдёт, и больше она никогда его не увидит. Мелисса ни за что не позволит, особенно после того, что случилось.

«Что же мне делать? Как быть дальше? Я ведь уже направила на него лук... а что будет завтра? Прикажут убить своими руками?»

«А может, так и правда будет лучше?» — слабо, едва слышно прошептал где-то в самой глубине души надломленный внутренний голос, но сердце тут же отозвалось на это мучительной, разрывающей болью. Как она сможет снова смотреть в его глаза, зная, что уже целилась в него стрелой? А если завтра... если завтра ей действительно прикажут его убить? Сможет ли она?

«У меня не будет выбора...» — эта чудовищная мысль пронеслась в голове, и от неё пальцы сами собой инстинктивно впились в ладони, сжимаясь в тугие, дрожащие кулаки. Грудь так сильно сдавило, что каждый вдох теперь давался с огромным трудом — казалось, невидимые железные тиски сжали рёбра, не давая вздохнуть полной грудью. Сердце колотилось где-

то в горле неровно и болезненно. Она украдкой, против своей воли, то и дело бросала короткие, обжигающие взгляды на Брайдана. В этих взглядах читалось гораздо больше всяких слов: в них плескался липкий страх, кипел горький гнев, но больше всего там было слепой, детской растерянности и такой невыносимой боли, что хоть вой. Она изо всех сил сжимала веки, чувствуя, как предательская влага жжёт глаза изнутри, и пыталась удержать её, не давая пролиться наружу.

Бернар, стоявший рядом с ней, молча наблюдал за этой немой сценой. Его лицо оставалось непроницаемой каменной маской, но глухое, тяжёлое недовольство застыло в напряженных складках вокруг плотно сжатого рта и в глубокой тени, что залегла на лбу. Он замечал всё: каждый её вздох, каждый взгляд, украдкой брошенный в сторону этого рыцаря. И каждый такой взгляд отзывался в его душе глухим, яростным укором, который он не мог высказать вслух.

— Мелисса, прошу тебя... — голос Адриана неожиданно разрезал тяжёлую тишину зала. Его голос звучал ровно и сдержанно, но в глубине тона проступала та самая усталость, что копилась в нём долгими часами этого бесконечного вечера. Глаза его потемнели и ушли глубоко в орбиты — он видел, как она отдаляется от него с каждым мгновением, и кожей чувствовал, что теряет её навсегда. Возможно, уже потерял. В том, что произошло, не было его прямой вины, он догадывался, чьи именно руки запятнаны кровью, и просто не мог позволить ей вот так уйти. Не сейчас. Если она развернётся и уйдёт, он больше никогда не увидит её, а Север из возможного союзника в одночасье превратится в злейшего врага. Но, Боги, как же невыносимо трудно было говорить с ней, с этой упрямой северной льдиной, глухой к любым доводам и объяснениям. Он смотрел на её отвернувшийся профиль, на сжатые в бессильном гневе кулаки, и с горечью понимал, что все его слова разбиваются о глухую каменную стену, которую она возвела между ними. Он сделал шаг вперёд, нарушая хрупкое равновесие. — Давай поговорим...

— Нам не о чем больше говорить, — отрезала она коротко, и голос её звенел, как натянутая тетива, обрывая последнюю надежду на примирение. — Договора между нашими королевствами не будет. Как только приведут виновных, мы сразу же уйдём. — Она в упор смотрела на него, и в уголках её губ дрожала кривая, перекошенная усмешка. — Если честно, я не думала, что вы способны на такую... низкую подлость.

Её слова впились в него острее любого меча. Адриан вздрогнул, но не отвёл взгляда, молча принимая этот удар. И в то же самое мгновение Хаос снова зашевелился в её сознании, ядовитой змеей проползая по самым тёмным уголкам души. Он всегда был здесь — в самой глубине, терпеливо нащёптывая свои отравленные истины. Она уже почти не могла различить, где заканчивается её собственная ярость и начинается его голос.

— Он хотел тебя убить. Они все предатели, каждый из них. Нельзя оставлять их в живых, слышишь? Нельзя.

Она почувствовала, как знакомая, родная до дрожи тьма медленно, но неотвратимо скользнула вдоль позвоночника ледяным ручейком, разливаясь по венам обжигающим ядом.

— Впусти нас, — зашептал голос снова. — Впусти — и мы сотрём их королевство в пепел, оставим только выжженную землю и чёрные кости. Пламя — вот их единственная судьба, а твоя — месть.

Веки её дрогнули, и на одно короткое мгновение пелена затянула радужку, а в самой глубине зрачков вспыхнула тёмно-алая искра, похожая на отблеск далёкого пожара. Она судорожно стиснула пальцы, до боли впиваясь ногтями в израненные ладони, пытаясь удержать эту рвущуюся наружу тьму внутри. Та сжимала горло мёртвой хваткой, душила, но одновременно предлагала сладкое освобождение в полном уничтожении всех, кто стоял сейчас перед ней. Мелисса хотела просто отвернуться и уйти, спрятаться от всего этого, но тело не слушалось. Сердце обожгло новой волной презрения: к нему, Адриану, ко всему его лживому королевству, но ещё сильнее — к самой себе, к собственной позорной слабости.

Адриан сделал порывистый шаг вперёд, нарушая хрупкую границу между ними. Его пальцы дрогнули у бедра. Он хотел дотронуться до неё, вырвать из этого кошмара, встряхнуть за плечи, чтобы она очнулась, но все слова застряли в пересохшем горле колючим комком. И тут же Бернар резко, почти звериным, неумовимым движением перехватил его взгляд. Медленно, без единого лишнего звука, он встал между ними, заслоняя собой Мелиссу. Его взгляд, устремлённый сейчас на кронпринца, был полон такой холодной, лютой ненависти, что, казалось, воздух между ними должен был покрыться инеем.

Мелисса устало сжала виски побелевшими пальцами, пытаясь хоть как-то заглушить пульсирующую, разрывающую боль, что сидела где-то глубоко в голове. Платье, когда-то лёгкое и сияющее, как утренний снег, теперь стало тяжёлым и противным от запёкшейся крови и пота. Мелкие кристаллы на ткани впитали в себя алый цвет и теперь отливали жутковатым, багровым блеском в тусклом свете магических светильников. Она снова провела влажным, испачканным полотенцем по лицу, но кровавые разводы лишь размазались ещё сильнее, оставляя на бледной, почти прозрачной коже багровые, грязные пятна. Пальцы рук пахли железом и смертью — этот запах, казалось, вьёлся в неё навсегда, пропитал каждую пору. А внутри всё так же бушевала ярость, пульсируя в груди горячим, живым комом, царапаясь изнутри острыми когтями и требуя немедленного выхода.

— Но в этом нет моей вины, пойми же ты наконец, — выдохнул Адриан, и его обычно уверенный голос неожиданно сорвался на почти детскую, жалкую мольбу. Рука его снова, будто против воли, потянулась к ней.

Мелисса резко вскинула ладонь, останавливая его на полпути.

— Я больше ничего не хочу слышать, — произнесла она тихо, но с такой уверенностью, что его сердце сжалось в груди, будто кто-то сдавил его в кулаке.

Адриан умоляюще всматривался в её лицо, лихорадочно ища хоть малейшую щель в этой застывшей ледяной маске, хоть слабый проблеск той живой, тёплой девушки, которую он знал и помнил. Тщетно. Её глаза, некогда яркие и живые, сейчас казались выжженными изнутри дотла. Та самая тьма, что так долго и упорно рвалась наружу, наконец сделала своё чёрное дело — она выела всё живое, оставив после себя лишь пустую, иссушённую оболочку. Мелисса говорила ровно и монотонно, будто голос шёл не из груди, а из глубокой пустоты.

«Что же делать?» — пронеслось в его голове, но ответа не было.

Внезапно двери в зал с оглушительным грохотом распахнулись настежь, с силой ударившись о каменные стены и высекая из них мелкую каменную крошку. Тяжёлые, мерные шаги воинов Атреи гулким эхом разнеслись по пустому пространству, когда они грубо втащили внутрь троих пленников. Первым шёл мужчина лет сорока, в грязном, оборванном плаще, который когда-то, видимо, был дорогой вещью. Его трясло такой мелкой дрожью, а выпученные глаза были полны ужаса. Кожа на лице стала мертвенно-бледной, почти прозрачной, и сквозь неё отчётливо проступали чёрные, бугристые вены, зловещими ветвями расползавшиеся по худой шее и острым скулам. На измождённых, трясущихся руках зияли свежие, ещё кровоточащие разрывы кожи, будто кто-то рвал её изнутри.

— Я не виноват! Отпустите меня ради всего святого! — завопил он истощенным голосом, судорожно дёргаясь в железной хватке стражников. Воины даже бровью не повели, лишь сильнее вдавили его плечи в мрамор пола.

Вторая пленница оказалась молодой девушкой. Её глаза, распухшие от слёз и налитые кровью, с немой, отчаянным укором впились в лицо Адриана. Он с трудом, но узнал её. Это была одна из служанок дворца. Она когда-то ухаживала за его покойным отцом в последние месяцы, приносила ему чай в поздние, бессонные вечера и молча меняла увядшие розы в вазах на свежие, только что срезанные в саду. Теперь же на её нежной, тонкой шее вздулись те же чёр-

ные, пульсирующие вены, похожие на отвратительных червей. Они выползали из-под простого воротника залитого кровью платья, тянулись к вискам, извиваясь по бледной коже. Воин, не церемонясь, тащил её за спутанные волосы, грубо дёргая головой, отчего она жалобно вскрикивала и захлёбывалась горькими всхлипами, тщетно пытаясь разжать его пальцы.

— Меня заставили, господин! — её голос срывался на визг. — Они угрожали моей семье! Моей маленькой сестре, ей всего семь лет!

Но никто из асуров даже не остановился, никто не ослабил стальную хватку. Её крики тонули в гулком, холодном эхе зала, разбиваясь о равнодушные каменные стены.

И лишь третий пленник молча, с каким-то странным достоинством принимал свою судьбу. Адриан с трудом, но всё же узнал в нём одного из слуг, что разносил напитки на балу. Рукава его простой, когда-то белой рубахи были грязными и разорваны в клочья, а на обнажённом предплечье ярко пылал символ — чёрный паук с вытянутыми лапами, искусно выжженный на коже раскалённым железом. Юноша не сопротивлялся, не дёргался и не кричал. Он только молча смотрел на всех присутствующих с таким презрением, что становилось не по себе — на принца, на суровых воинов, на саму Мелиссу. *«Она жива. План провалился»*, — всё это было написано крупными буквами в его взгляде, обращённом к ней. Слуга стиснул зубы с такой силой, что, казалось, они сейчас раскрошатся. Губы мелко дрожали от сдерживаемой, клокочущей внутри ярости, а в глазах вспыхнула такая искра ненависти, что, казалось, она могла обжечь кожу на расстоянии.

Асуры не церемонились с пленниками. Суровые, как сама северная скала, они грубо, без жалости повалили их на колени, заламывая руки за спины. Лезвия тяжёлых мечей мгновенно прижались к спинам, остриё больно впилося в кожу, оставляя тонкие полоски крови. Лица воинов оставались неподвижными, они молча ждали только одного: приказа.

Мелисса всё так же стояла у окна, спиной ко всей этой разворачивающейся сцене, и даже не обернулась на крики. Бледный, мертвенный свет снаружи скользнул по её лицу, подчеркнув мраморную бледность кожи и синие, почти фиолетовые тени, что залегли под глазами после бессонной ночи. Она смотрела в непроглядную тьму за стеклом, будто глухая ко всем этим крикам, мольбам о пощаде и густому, удушливому страху, что тяжёлым облаком наполнил зал. Кристаллы на её платье лишь раз сверкнули в полумраке тусклым, кровавым отблеском, когда она чуть повела плечом, и снова погасли.

— Помилуйте! — закричал мужчина что было сил, в отчаянии склоняясь в поклоне так низко, что лоб едва не коснулся холодного каменного пола, его плечи крупно сотрясались от рыданий. — Я простой продавец, клянусь Богами! Я всего лишь продал свой товар, как обычно! Не знал я, для кого он предназначался... Пожалуйста! Меня дома ждут дети!

— Встань, — раздался над ним голос воина, в котором не было ни капли сочувствия. Прежде чем мужчина успел даже моргнуть, его рывком подняли за шкуру и снова грубо, с силой усадили на колени, так что кости жалобно хрустнули. — Тебе не разрешали говорить.

Рядом молодая служанка заливалась тихими, горячими слезами, размазывая слёзы по бледным щекам дрожащими пальцами.

— Какое право вы имеете обращаться со мной так?! — вдруг выпалил мужчина, в котором страх на миг сменился отчаянной злостью. — Я житель Бермона, я не какой-то безродный пёс! — но его голос к концу фразы предательски дрогнул и превратился в беспомощный, сдавленный шёпот, когда он снова увидел холодные лица северян.

И вдруг раздался смех. Резкий, лишённый всякой теплоты и жизни смех разорвал тягучую тишину зала, как острый клинок разрезает шёлк. Мелисса медленно, плавно развернулась к ним лицом. Её губы изогнулись в хищной, не предвещающей ничего хорошего улыбке, но глаза при этом оставались совершенно пустыми. Мужчина, секунду назад полыхавший праведной обидой, мгновенно затих. Его зрачки, расширенные от ужаса, судорожно забегали, когда он встретился с её взглядом.

— Как только вы подняли руку на почтенных гостей Королевства, — её голос звучал мягко, почти ласково, — ваша жалкая жизнь перестала быть вашей. Теперь она всецело в их руках.

Она сделала плавный, почти бесшумный шаг вперёд, и подол платья тихо зашелестел по мрамору. Мужчина физически почувствовал, как у него сердце замерло где-то в горле, зажатое невидимыми тисками.

— Конечно, если благородный Бермон захочет нарушить древние устои и навлечь на себя праведный гнев Севера, он всегда может вмешаться в мой суд, — она бросила короткий, оценивающий взгляд на Адриана, внимательно наблюдая, как каждое её слово отзывается на его побелевшем лице. Принц лишь напряжённо поджал губу в тонкую линию, до хруста сжимая пальцы в кулаки, но промолчал, не сводя с неё тяжёлого взгляда.

В это время один из северных воинов отделился от остальных, шагнул вперёд и, тяжело опустившись на одно колено, склонил голову в почтительном поклоне.

— Принцесса, — его низкий, хриплый голос был полон неподдельного уважения и горькой вины, что читалась в каждой складке сурового лица. — Одного из них мы потеряли по дороге. Хаос не смог его захватить, ушёл, гад. Мы примем любое наказание, какое назначите, за эту оплошность.

Остальные воины, стоявшие позади, тоже молча опустили головы, признавая свою вину.

Девушка вдруг снова рассмеялась, и этот смех напоминал холодный порыв ледяного ветра, что пробирает до самых костей, не оставляя шанса согреться.

— Значит, главный подозреваемый всё-таки скрылся? — в её голосе появился ленивый, почти скучающий интерес, будто речь шла о чём-то незначительном. — Ничего страшного. Я и так прекрасно знаю его имя.

Она медленно, с грацией хищницы, развернулась всем корпусом к кронпринцу.

— Это был приспешник твоего драгоценного дядюшки, я права? — произнесла она вкрадчиво, и губы её изогнулись в зловещей, торжествующей усмешке.

Адриан удивлённо уставился на неё, на миг потеряв дар речи.

— Как... — начал было он, но тут же осёкся на полуслове, с силой сомкнув челюсти так, что желваки заходили под кожей.

«Как она могла узнать? — лихорадочно пронеслось у него в голове. — Ведь мы с самыми доверенными людьми подтвердили свои догадки только пару часов назад, когда обыскивали поместье».

— Молчание — знак согласия? — Мелисса усмехнулась ещё шире, обнажая ровные белые зубы. — Не делайте такое удивлённое лицо, дорогой кронпринц, это вас не красит. Ваши люди не просто так охраняют его поместье со всех сторон с самого вечера, верно? А сегодняшний пышный бал, на который он внезапно, прямо перед самым началом, «заболел» и не удостоился явиться, окончательно всё прояснил.

Адриан открыл рот, чтобы хоть что-то возразить, найти слова, но девушка резко, властно покачала головой, отрезая любые попытки диалога одним этим движением. Всё её внимание теперь было приковано к тому дрожащему у её ног мужчине.

Стук. Стук. Стук.

Её звонкие, мерные шаги гулким эхом отдавались в тишине зала, и каждый шаг отзывался в душах присутствующих дрожью. Служанка, до этого момента молча содрогавшаяся в углу, вдруг снова зашла в громких, истеричных рыданиях, закрывая залитое слезами лицо дрожащими руками.

— Помилуйте... — снова прошептал продавец, и его голос стал совсем тонким, почти писклявым. — Я... я всего лишь простой продавец, честное слово...

— Простой? — медленно, с ядовитым сарказмом повторила Мелисса, хмыкнув и приподняв одну бровь. Её взгляд, казалось, пронзал его насквозь, без труда видя каждую ложь,

каждый спрятанный на доньшке души грех. — Интересное у тебя, я смотрю, понимание этого слова.

Она лениво перевела взгляд на Адриана.

— Кронпринц, — протянула она слегка лениво, растягивая слова, — поведайте мне, пожалуйста, в обычных, простых лавках вашего цветущего королевства часто ли продаётся яд цветка Морригана?

Воздух в зале вмиг стал густым и тяжёлым.

— Яд, — продолжила она всё тем же ровным тоном, — настолько сильный, что его невыносимую горечь способна перебить разве что приторная сладость старого мёда. Почти не обнаружить в вине или еде, сложно опознать даже лучшим королевским лекарям... Идеальное оружие, не правда ли?

Она медленно наклонилась ближе к дрожащему мужчине, и её холодное дыхание коснулось его бледного, покрытого липким потом лица. Он зажмурился изо всех сил, не в силах больше выдерживать её взгляд.

— И после всего этого ты смеешь мне говорить, что ты простой торговец? Да не смеши ты меня, сделай милость. Ты совсем не простой, если твоя захолустная лавка хранит на полках не только безобидные товары.

Мужчина физически почувствовал, как сердце на миг остановилось, а затем забилось с такой бешеной, сумасшедшей силой, что, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди, сжимаясь в тугой комок ужаса. От неё исходила такая волна чистой, необузданной, почти осязаемой злобы, что он ощущал её каждой клеточкой своего трясущегося тела. Её рука плавно поднялась в воздух, и в то же мгновение один из северных воинов, будто без слов читая её мысли, бесшумно и почтительно вложил в её изящные пальцы тяжёлую рукоять своего длинного, слегка изогнутого меча. Лезвие холодно и зловеще сверкнуло в тусклом свете магических светильников, бросая на стены длинные, пляшущие блики. Мужчина судорожно сглотнул, и этот звук вышел на удивление громким в тишине зала. Служанка, сидевшая рядом, до боли сжала побелевшие губы, глядя на принцессу широко распахнутыми, покрасневшими от нескончаемых слёз глазами. Мелисса медленно, почти нежно провела подушечками пальцев по острому, опасному лезвию, словно пробуя его на ощупь. И в зале вновь раздался тот же размеренный стук её шагов, неумолимо приближающихся к обезумевшему от страха человеку.

— Ты совсем не простой продавец...

Взмах.

Мужчина замер, его грудь судорожно, часто вздымалась, пытаясь поймать воздух, который вокруг него словно превратился в воду. Тьма нахлынула на него внезапно и стремительно, навсегда гася свет в его широко распахнутых, полных ужаса глазах. В них на миг застыл немой, невысказанный крик, а затем взгляд остекленел, бессмысленно уставившись в пустоту под высокими каменными сводами. Его тело дёрнулось один раз, крупная дрожь прошла по ногам, и сразу обмякло, тяжело рухнув на белоснежный холодный пол, забрызгав мрамор алыми каплями. И тогда из его приоткрытых губ медленно вырвался густой, чёрный дым. Он выплывал наружу неспешно, клубясь и извиваясь в воздухе, словно живое, разумное существо, только что получившее свободу. Под бледной кожей мертвеца вздулись безобразные чёрные вены, проступив наружу отвратительной паутиной, покрывшей всё лицо и шею. Дым повисел в воздухе, мерно колыхаясь, а потом резко, стремительно полетел прямо к неподвижно стоящей девушке. Она не отшатнулась, не вздрогнула и даже не моргнула. Тёмное, густое облако устремилось к ней и стало буквально впитываться в её бледную кожу, исчезая без следа. И в то же мгновение по её тонкой шее, по побелевшим рукам, поползли чёрные, угольные, словно выжженные символы, складываясь в причудливые, пугающие узоры. Они жгли её изнутри невыносимым огнём, и острая, режущая боль накатила, сбивающей с ног, волной. Её пальцы судорожно сжались в кулаки с такой силой, что ногти до крови впились в израненные ладони. Спину болез-

ненно выгнуло от невыносимого жара, разлившегося по венам, но она только крепче стиснула зубы до скрежета, не издав ни единого звука. Лишь короткий, сдавленный выдох вырвался из её пересохших, искусанных губ.

Служанка пронзительно вскрикнула, когда несколько тёплых, липких капель неожиданно брызнули ей на щёку. Она с ужасом уставилась на свои дрожащие пальцы, испачканные ярким, и истерика накатилась на неё сразу, накрыв с головой: всё тело мелко затряслось, а из пересохшего горла вырывались только бессвязные, захлёбывающиеся всхлипы.

— Ч-что... что ты делаешь?! — голос Адриана прозвучал оглушительно громко.

Мелисса медленно, с трудом приоткрыла тяжёлые веки, и в тот же миг присутствующим показалось, будто в комнате резко стало темнее, хотя светильники горели всё так же ровно. Её зрачки неимоверно расширились, почти полностью поглотив радужку, став бездонными, а в уголках её губ, всё ещё влажных от сдерживаемой боли, затаилась тень той же усмешки.

— Я делаю именно то, чего заслуживают все причастные к покушению... — её голос прозвучал ровно и спокойно, без единой дрожи. — Расплата.

Она плавно, всем корпусом развернулась к нему лицом, и её пронзительный взгляд упал прямо на него.

— Что-то не так, кронпринц? Вы не согласны со мной? — она склонила голову чуть набок, изучая его реакцию. — Или, может быть, в вашем славном Бермоне покушение на королевскую особу принято прощать задушевной беседой и бесплатной кружкой эля в ближайшей таверне?

Адриан судорожно сглотнул вставший в горле горький ком, мешавший дышать. Его сердце глухо и часто стучало где-то глубоко в груди, отдаваясь пульсом в висках. Она, конечно, была абсолютно права. По их собственным законам, участь этого человека была бы точно такой же, если не хуже.

Девушка, заметив его подавленное, молчаливое состояние, позволила себе лёгкую, язвительную усмешку, тронувшую уголки губ.

— Ну вот и отлично. Тогда не будем попусту терять наше драгоценное время.

Она сделала один неспешный, плавный шаг в сторону замершей служанки. Та сидела на холодном полу на коленях, и слёзы непрерывным, бесконтрольным потоком текли по её бледным, осунувшимся щекам, оставляя на них блестящие, влажные дорожки.

— П-прошу... ваша светлость... помилуйте... — её голос был едва слышным, хриплым. Внезапно, с последним отчаянным усилием, она бросилась вперёд и вцепилась побелевшими пальцами в окровавленный подол платья принцессы. Её пальцы, дрожащие от напряжения, сжали дорогой шёлк с такой силой, что в тишине раздался короткий, режущий слух треск ткани.

Мелисса замерла. Вся её поза, секунду назад казавшаяся почти расслабленной, вдруг стала неестественно неподвижной, как у дикой кошки, застывшей перед решающим прыжком. Затем её губы медленно, с явным, ничем не прикрытым отвращением поджались, превратившись в тонкую бледную линию.

— Убери свои руки. Не смей прикасаться ко мне.

Воины тут же грубо подхватили служанку под руки и с силой, без жалости, снова поставили на колени, больно заломив локти за спину отчего девушка всхлипнула.

— У меня... не было выбора... — выдавила она из себя, и слова выходили прерывисто, с хрипом. Её губы мелко тряслись, а в уголке рта выступила алая капля крови — она так сильно стискивала зубы от напряжения и ужаса, что до крови прикусила внутреннюю сторону щеки. — Мне угрожали... они сказали, что убьют мою семью... моих маленьких братьев, им всего по пять лет... Пожалуйста... ваша светлость... умоляю, помилуйте...

Она едва дышала, её плечи часто и мелко подрагивали, а по щекам без остановки текли слёзы, капая на грязный пол. Мелисса смотрела на неё сверху вниз, и её тёмный взгляд оста-

вался таким же холодным. Казалось, эти отчаянные мольбы не трогали её вовсе, не оставляя ни малейшей царапины на её ледяном спокойствии.

— Выбора? — медленно произнесла она, и в её голосе ясно послышалась лёгкая, ядовитая насмешка. — Милая моя, у всех всегда есть выбор.

Её тонкие, изящные пальцы медленно и плавно, почти ласково провели по широкому лезвию меча, что всё ещё тускло сиял в её руке, отражая неровный свет магических светильников.

— Ты просто сделала не тот выбор. И за это, к сожалению, приходится платить.

— Прошу тебя, остановись!

Адриан резко шагнул вперёд, в одно мгновение сократив расстояние между ними, и встал прямо рядом с Мелиссой, не отводя от неё напряжённого до предела взгляда. Воздух вокруг них, казалось, ощутимо сгустился.

— Я её знаю, — его голос звучал твёрдо и уверенно, но глубоко внутри, под этой уверенностью, чувствовалось огромное напряжение. — Это Элис. Она верно и преданно служила моему отцу все последние годы. Пощади её, прошу. Не уподобляйся сейчас тем, кого ты сама же судишь. Сделай верный выбор.

Бернар тут же сделал несколько шагов вперёд, вставая массивной несокрушимой стеной между принцем и своей принцессой. Его широкая фигура отбрасывала на каменный пол длинный, мрачный силуэт, закрывая собой Мелиссу. Брайан тоже переместился чуть в сторону, и его рука уже лежала на рукояти меча, готовая в любой миг выхватить клинок. Они замерли, напряжённые до предела. Молчание вновь повисло в зале. Казалось, ещё одно неверное, резкое движение, и эта гнетущая тишина взорвётся звоном стали и криками.

Талли почувствовала, как грудь сдавило от напряжения. Она ясно, каждой клеточкой понимала — если их не остановить прямо сейчас, если дать этому конфликту разгореться, здесь начнётся настоящая бойня. Не раздумывая ни секунды, она бросилась вперёд и схватила ладонь Бернара, сжимая его холодные пальцы своими дрожащими.

— Прошу тебя... — её голос прозвучал едва слышно, сдавленно, почти сломлено от нахлынувшего разом отчаяния.

Бернар резко напрягся всем телом. Его челюсти сжались с такой силой, что на скулах выступили желваки, а голубые глаза потемнели до цвета тяжёлого грозового неба перед бурей. Девушка чуть крепче сжала его руку обеими ладонями, чувствуя, как её собственные пальцы предательски дрожат, выдавая волнение. Она не приказывала ему — она молила, и в этом беззвучном, отчаянном посыле была такая сила, что несколько долгих, бесконечных секунд он просто смотрел на неё, взвешивая что-то на невидимых внутренних весах. Затем он устало, с хрипом выдохнул, и горячий воздух со свистом вышел из его напряжённых лёгких. Медленно, явно против своей воли, он сделал шаг назад.

Брайан не отводил от Талли взгляда. Он видел, как её короткие белые волосы спутались и прилипли к влажному виску, как под глазами залегли глубокие синие тени, будто кто-то обвёл их тёмной краской. Рукава её платья порвались во время суматохи, обнажая мускулистые, иссечённые тонкими шрамами руки. В её широко распахнутых глазах сейчас читалась такая смесь заботы, боли и отчаяния, что у него защемило сердце. Он всё понял без лишних слов. Они все были заложниками старой вражды, простыми пешками в чужой игре, правила которой писались задолго до их рождения, но её личная боль отзывалась тяжёлым эхом в его собственной груди, находя отклик где-то глубоко внутри. Уголки его губ дрогнули в лёгкой, едва заметной, но такой тёплой и одобряющей улыбке. Это было молчаливое сообщение, понятное без слов: я с тобой, что бы ни случилось дальше.

Девушка замерла на мгновение, прочитав в его взгляде это беззвучное обещание поддержки, и по её телу, измученному до предела долгим напряжением и страхом, медленно разлилось слабое тепло. Его было достаточно, чтобы тот холод, что сковывал грудь стальными тис-

ками, начал понемногу таять, отпускать свою хватку. Напряжение постепенно ослабло, и она смогла наконец сделать полноценный вдох. Глубоко внутри, в самой потаённой части души, снова зажёгся маленький, но удивительно упрямый огонёк надежды. И на её бледных, искушенных губах отразилась слабая, благодарная улыбка, предназначенная только ему.

Но ледяной взгляд Мелиссы, устремлённый на Адриана, не смягчился ни на секунду. Она смотрела на него так, будто он был пустым местом, досадной помехой, недоразумением, которое случайно занесло в этот зал. Она не хотела ни говорить с ним, ни видеть его, ни тем более выслушивать его жалкие просьбы о милосердии к кому бы то ни было.

«Сегодня мне плевать, что считается правильным, а что — нет.»

Вместе с вернувшейся силой, с той древней, первобытной мощью, что теперь текла по её венам вместо крови, к ней вернулась и новая ярость. Тот мужчина, что испустил последний вздох у её ног, был прогнанным насквозь, до самого доньшка своей трусливой души. Она чувствовала это каждой клеточкой своего изменившегося тела, будто его грязные, липкие воспоминания теперь стали частью её собственных. Она видела обрывки его тайных, тёмных сделок, чувствовала приторную сладость предательства и горький, тошнотворный вкус страха перед разоблачением. Его смерть была не просто казнью — она была очищением, избавлением от грязи. Её личным подарком этому миру, который он так жадно и подло хотел обмануть. И она не собиралась останавливаться на достигнутом.

— Посмотри на него внимательнее, — прошептал в самом укромном уголке её сознания знакомый, шипящий, как змея, голос. — Он хочет забрать её у тебя. Прямо сейчас, у тебя под носом.

Мелисса едва заметно нахмурилась, поведя тонкой бровью.

— Кто? — мысленно спросила она, но в ответ лишь ощутила ледяное, неприятное скольжение чужого присутствия где-то на грани восприятия. Голос не удостоил её прямым ответом, только зашептал дальше, насмешливо, навязчиво, растягивая слова и играя с ней, как с игрушкой: *«Он заберёт её. Заберёт. Заберёт. Обязательно заберёт. Сначала украдёт её доверие сладкими речами, а потом и саму жизнь».*

Она вздрогнула. Эти слова впились в самую глубину души острыми, ржавыми крючьями, которые невозможно вырвать. Она инстинктивно, не контролируя себя, сжала кулаки так, что ногти снова до крови впились в ещё не зажившие ранки на израненных ладонях. Ветер за стенами замка внезапно завыл с новой, пугающей силой, словно вторил той буре, что сейчас бушевала у неё в груди. Мелисса резко обернулась, и её потемневший взгляд скользнул по застывшим лицам, пока не зацепился за сэра Брайана. Что-то в этом мужчине, в самой его позе, в том, как он стоял и смотрел, мгновенно напрягло её, вызвало глухое раздражение, которое росло с каждой секундой. И очень скоро она поняла, что именно её так задело. Его глаза. Они были неотрывно прикованы к Талли, и в них горело всё то, что было ей так ненавистно: глупые обещания любви, дурацкой заботы, этого внимания, которое она презирала. Та самая приторная, слащавая ласка, которую он, как последний дурак, был готов выплеснуть на её подругу без остатка. Злость вскипела в ней мгновенно, заполняя всё естество. Он такой же, как Адриан. Тот же старый, как мир, сценарий, который она видела уже тысячу раз: подобраться поближе, окружить вниманием, очаровать сладкими речами, а потом, когда жертва поверит — воткнуть острый нож в спину. Её зубы сжались с такой силой, что заныли скулы, а на висках запульсировали жилки. Длинные, тонкие пальцы принялись медленно и ритмично постукивать по намертво сжатой рукояти меча. Ритмично, размеренно, методично, будто отсчитывая последние секунды чьей-то короткой жизни. Вскоре её губы медленно растянулись в хищной, не предвещающей ничего хорошего улыбке.

«Я покажу ему, что значит по-настоящему стоять на пути воина Атреи. Посмотрим, как надолго хватит его рыцарских идеалов, когда он увидит нашу настоящую сущность.»

Да, она растопчет эти глупые, наивные чувства прямо на корню, не оставив и мокрого места. Пусть он наконец поймёт, с кем на самом деле имеет дело. Она собственноручно погасит этот опасный, ненужный огонёк надежды в глазах Талли, который там разгорался. Пусть он сам, своим страхом и отвращением к ним, сожжёт в ней все эти глупые иллюзии насчёт светлого будущего. Она не позволит одурачить её, как когда-то одурачили её саму. У них нет и не может быть никакого общего будущего, это просто невозможно. Талли должна увидеть правду своими глазами. Прямо сейчас. Пока ещё не поздно, пока надежда не пустила слишком глубокие корни. Все эти отношения, построенные на лжи и глупых заблуждениях, изначально обречены на провал. Она должна показать ей, кто она есть на самом деле. Должна заставить принять это раз и навсегда. Это её истинная, неизменная сущность. Сущность всех их. И другой дороги для них просто нет и быть не может.

— Талли, — её имя холодно и отчётливо прозвучало из уст Мелиссы. — Талли, — позвала она снова, чуть громче.

Та вздрогнула всем телом и её испуганный взгляд метнулся к подруге, лихорадочно ища в её глазах хоть маленькую крупицу привычного тепла и поддержки. Холодное, липкое предчувствие чего-то страшного обожгло ей спину.

— Помоги мне, — голос Мелиссы вдруг стал удивительно ласковым, почти нежным. Она протянула вперёд руку с зажатой в ней рукоятью своего меча. Обычное оружие, тяжёлый клинок, но в её руке, в этой тишине, оно выглядело совершенно иначе. Казалось, это был не просто кусок стали, а прямое продолжение той самой древней тьмы, что теперь навсегда поселилась внутри неё.

Талли смотрела на протянутый меч так, будто это был её собственный смертный приговор, написанный на бумаге и скреплённый печатью. Кровь резко отхлынула от её лица, и без того бледного, кожа стала почти прозрачной, синеватой в тусклом свете. Она едва заметно, одними плечами, мотнула головой, делая маленький, неуверенный шаг назад. Её руки мелко и противно дрожали, пальцы не слушались.

«Я не хочу, — билась в голове отчаянная мысль. — Не хочу, чтобы он видел меня такой! Чтобы видел, кто я есть на самом деле!»

Внутри неё бушевало жестокое, разрывающее противоречие. Ведь она на самом деле и была этой самой «такой». Её с детства растили для этого, тренировали, вытачивали из неё идеальное, безжалостное орудие, не знающее пощады. Но после того самого страшного дня, что до сих пор отзывался в костях ноющей болью по ночам, она дала себе твёрдое слово. Она решила, что не хочет этой проклятой жизни. Всеми силами своей истерзанной души она хотела теперь лишь одного — выжить. Просто выжить любой ценой, чтобы её имя никогда, ни при каких обстоятельствах не было выбито на тех холодных, равнодушных мемориальных камнях, что стоят на главной площади.

Брайан дёрнулся вперёд, инстинктивно желая встать между ними, но Адриан резко сжал его запястье, останавливая.

«Нельзя. Стой.»

Один неверный шаг сейчас мог спровоцировать её ещё сильнее, и тогда последствий не избежать никому. Брайан сжал челюсти с такой силой, что в гулкой тишине зала раздался отчётливый, сухой скрип стиснутых до скрежета зубов, но он послушался, оставаясь на месте, хотя каждая клетка его тела рвалась вперёд.

— Талли, — холодный, безжизненный голос Мелиссы прозвучал снова, на этот раз жёстче, не терпя никаких возражений. — Это не просьба.

Девушка от бессилия сжала ладони в кулаки так сильно, что ногти до крови впились в кожу, а костяшки пальцев побелели до прозрачности. Её взгляд, полный ужаса и отчаяния, соскользнул в сторону, не в силах больше выдерживать давящий напор подруги. Он упал на лужу крови, что медленно, но неумолимо расплывалась по холодному камню под безжизнен-

ным телом торговца. Алая, почти чёрная в тусклом свете магических светильников, она растекалась всё шире, безвозвратно поглощая гладкие мраморные плиты. Лужа становилась всё больше и больше, и Талли не могла оторвать от неё взгляда, заворожённо и с ужасом следя, как человеческая жизнь так просто и так навсегда впитывается в камень.

И вдруг...

В голове возник жуткий образ. Вместо бледного, безжизненного лица торговца она с пугающей, неестественной ясностью увидела лицо Брайана. Его живые, зелёные глаза теперь были потухшими и стеклянными. Они смотрели на неё откуда-то из пустоты с немим ужасом и полным непониманием того, что произошло. Его губы беззвучно, одними уголками, шептали одно единственное слово: «За что?» Эта мысленная картина оказалась страшнее всего, что она видела наяву за последние часы. Девушка сжалась всем телом, дыхание перехватило, в груди закололо. По всему телу пробежала мелкая, неконтролируемая дрожь, которую невозможно было скрыть. Она не могла этого сделать. Просто не могла стать тем самым человеком, из-за которого в его глазах навсегда погаснет этот тёплый, живой свет.

Талли вздрогнула, когда её плеча неожиданно коснулась широкая ладонь. Она подняла глаза и встретила с суровым взглядом Бернара. Его губы двигались, он что-то говорил ей низким, приглушённым голосом, но слова доносились до неё словно сквозь толщу мутной воды, не сразу достигая сознания. Он ещё раз, чуть сильнее, сжал её плечо, приводя в чувство, и наклонился ближе. Его горячее дыхание коснулось её уха.

— Если не хочешь, чтобы на месте того торговца в итоге оказался он, — прошептал он тихо, но отчётливо, кивнув куда-то в сторону Брайана, — то возьми себя в руки сейчас же.

Он сделал короткую паузу, давая ей время осознать сказанное.

— Мелиссу сейчас лучше не злить и не провоцировать. Просто сделай то, что она говорит.

Талли всю ещё трясло изнутри, крупная дрожь не унималась, но она заставила себя коротко кивнуть и сделала шаг вперёд. Ноги стали ватными и чужими, каждое движение давалось с невероятным, чудовищным усилием, будто она шла по колено в густой смоле. Она шаркала подошвами по холодному камню, еле переставляя ноги. Служанка, увидев это, залилась новой, истеричной волной рыданий. Её глаза, полные ужаса, впились в приближающегося асура. В этом жутком отражении чужой паники и полной обречённости Талли вдруг увидела саму себя. Увидела то, что неизбежно ждёт и её саму, если она посмеет сейчас пойти против воли Атреи и своей принцессы. Плечи её судорожно дёрнулись, пытаясь сбросить невыносимую, давящую тяжесть, но она продолжала медленно двигаться вперёд, к протянутой рукояти меча. Вскоре её длинные, с характерными мозолями от постоянных тренировок пальцы несмело сомкнулись вокруг холодного металла. Кончик меча с резким, противным скрипом ударился о мраморный пол, оставив на идеальной гладкой поверхности тонкую, едва заметную царапину. Она тянулась через всю плиту длинной белой линией, будто зеркальная трещина, прочерченная прямо по её и без того разбитому сердцу.

Мелисса одобрительно кивнула, но в её потемневших глазах не было ни капли удовлетворения или радости. Этого было мало. Слишком мало для того, что она задумала. В её голове вновь и вновь, как заезженная пластинка, раздавался тот самый навязчивый, шипящий голос:

— Убей. Убей. Убей её.

Шёпот извивался в сознании ядовитой змеей, сдавливая все мысли в тугую, болезненный, пульсирующий узел, не оставляя места для сомнений.

— Она сомневалась, она боялась. Она уже предала тебя в своём сердце, как предадут и все остальные. Все до одного предадут, рано или поздно. Убей. Убей их всех, не оставляй никого.

Горло обожгло сухостью, язык будто прилип к нёбу. Она медленно провела кончиком языка по потрескавшимся губам. В груди зашевелилось что-то дикое, первобытное, тёмное и

непокорное — самый настоящий звериный голод. Но жаждала она сейчас не воды и не еды. Её ноздри жадно, с шумом ловили густой медный запах свежей крови, витавший в воздухе. Ей хотелось ещё. Ещё хотя бы одну каплю. Чтобы горячая, алая, дымящаяся жизнь тонкой струйкой стекала по её бледным ладоням. Чтобы сердце очередной жертвы забилося в последний раз и затихло навсегда, по её собственной воле. Мелисса на мгновение закрыла глаза, всего на одну короткую секунду, позволив усталости сжать виски.

«Как же я устала... Устала бороться с этим внутри себя. Нужно поскорее со всем этим разобраться и... вернуться домой.»

Но мысль оборвалась, внезапно наткнувшись на зияющую пустоту. Дома больше не было, был только этот холодный зал, чужие люди и та самая тьма внутри, с её обволакивающими, мягкими когтями, что обещали наконец-то долгожданный покой, если только перестать сопротивляться. Она заставила себя сделать глубокий, ровный вдох, и когда вновь открыла глаза их передёрнула алая дымка.

— Ну что ж... — её голос прозвучал на удивление спокойно, почти лениво, будто она собиралась продолжить светскую беседу. — Продолжим.

Служанка в разорванном, грязном платье медленно отползала по холодному мрамору назад, отчаянно царапая его окровавленными, сбитыми в кровь пальцами. Ногти на руках были обломаны почти до самого мяса, оставляя на полу тёмные, влажные следы.

— П-принцесса... ваша светлость... умоляю, пощадите... — её голос был хриплым, сорванным от долгих слёз и страха, она уже почти не могла говорить.

Голос Адриана прозвучал сзади глухо, но отчётливо:

— Мелисса... прошу тебя, не делай этого. Остановись прямо сейчас. Отдай её моей страже. Пусть она предстанет перед законным, справедливым судом. Она ответит за всё по всей строгости закона, я тебе обещаю.

Его ладонь, сжатая в тугой кулак, мелко дрожала от напряжения. Он отчаянно, всеми силами хотел её остановить, достучаться до той девушки, которую знал раньше. Но взгляд Мелиссы оставался неподвижным, безжизненным — точь-в-точь как у дикой хищной кошки, уже вонзившей острые клыки в горло беззащитной добычи и не собирающейся выпускать её. Он пытался остановить её, будто чувствовал, что сейчас она не до конца владеет собой, что какая-то тёмная, чужая сила ведёт её руку помимо воли, и что, когда это наваждение пройдёт, она обязательно очнётся и будет горько сожалеть о содеянном. Будет смотреть на свои окровавленные руки и на навсегда утерянное доверие единственной подруги с таким ужасом, который уже никогда не отпустит.

Мелисса медленно склонила голову набок, и на её губах появился полный презрения оскал.

— Бедный, бедный кронпринц... — её голос звучал певуче и остро, как хорошо заточенное лезвие. — Как же вы тогда собираетесь править целым королевством, если даже не видите заговора у себя прямо под носом?

Она сделала лёгкий, почти танцующий шаг вперёд. Служанка, продолжая рыдать, испуганно попятилась назад, трясущимися руками пытаясь прикрыть залитое слезами лицо. Мелисса наклонилась к ней так близко, что девушка физически почувствовала её холодное дыхание на своей мокрой, липкой щеке.

— Вы ещё поблагодарите меня... — прошипела она прямо в ухо служанке, и та вздрогнула. — ...за то, что я наведу порядок в вашем прогнившем дворце и очищу его от этой... нечисти.

Она медленно, почти ласково провела кончиком пальца по её мокрой щеке, оставляя на коже грязный, кровавый след.

— И в знак моей глубокой признательности... за этот бесценный урок... я расскажу вам одну маленькую, но весьма шокирующую правду.

Адриан застыл на месте, чувствуя, как невидимая ледяная рука медленно сжимает его сердце в тисках. Какую ещё правду? Он совершенно не понимал, куда клонит принцесса. Но с каждым новым взглядом в её бездонные, ледяные глаза ему становилось всё страшнее и страшнее.

— Наша маленькая, несчастная служанка не совсем так безвинна и невинна, как отчаянно пытается сейчас показаться, — Мелисса плотоядно оскалилась, и её белые зубы ярко сверкнули в полумраке, став похожими на острые звериные клыки.

Служанка, что до этого момента билась в дикой истерике, вдруг резко затихла, затаив дыхание и прекратив дёргаться.

— Говоришь, пострадает твоя бедная семья, если ты не выполнишь задание? — Мелисса коротко рассмеялась, и этот сухой, отрывистый звук веселил, казалось, только её одну. — Что-то я, признаться, не заметила особых страданий в твоей семье, милая моя. Все сыты, все обуты, все при деле... — она сделала многозначительную паузу, — а под их кроватями, если хорошенько поискать, можно найти весьма неплохой запас золотых монет. Совсем не плохой для родственников простой дворцовой служанки, тебе не кажется?

Служанка застыла. Слезы всё ещё текли по её бледным щекам, но теперь уже беззвучно, крупными каплями.

— Н-нет... это неправда... неправда! — застонала она глухо, безумно замотав головой из стороны в сторону.

Но Мелисса лишь сладко, с каким-то извращённым удовольствием скользнула кончиком языка по пересохшим губам, явно предвкушая скорую кульминацию этого затянувшегося спектакля. Её губы едва заметно подрагивали от странной, незнакомой ломки, что охватила каждую клетку её измученного тела, настойчиво требуя кровавой развязки. Адриан нахмурился, его мозг лихорадочно работал, перебирая варианты. Он всё ещё никак не мог уловить, к чему в конечном счёте ведёт принцесса. И вдруг служанка резко, с вызовом вскинула голову. Слезы на её лице ещё не высохли, но в глубине глаз уже заплясали совершенно другие огоньки — лютая ярость, слепая ненависть и чёрное отчаяние загнанного в угол дикого зверька.

— Гильдия хорошо тебе платила за твои услуги, не так ли? — спросила Мелисса.

Последняя тонкая завеса лжи окончательно рухнула, рассыпавшись в прах. Служанка стиснула зубы с такой силой, что послышался сдавленный, хриплый звук, похожий на рычание. Её бледное, искажённое ненавистью лицо выдало всё без остатка, не оставляя места для сомнений.

— Я расскажу вам всё! — девушка вдруг бросилась вперёд и вцепилась в окровавленный подол платья принцессы, сжимая его побелевшими пальцами. — Пожалуйста, умоляю! Я видела его лицо, я могу его опознать! Я всё расскажу, каждую деталь! Только... только пощадите меня, прошу!

Мужчина слева от неё почти незаметно, едва уловимо напрягся, и его пальцы медленно, осторожно скользнули к голенищу высокого сапога. Талли, замершая рядом ждала приказа, но подруга даже не смотрела в её сторону, полностью поглощённая своей игрой. Лезвие в её руке ходило ходуном, выдавая внутреннее напряжение.

Мелисса плавно наклонилась ещё ближе к распростёртой у ног служанке.

— Ну так... это же совсем не интересно, — лениво, растягивая слова, прошептала она. — Поведай мне лучше, в чём именно заключалась твоя роль?

Она медленно повернула голову в сторону Адриана, и её глаза потемнели.

— Думаю, кронпринцу будет весьма познавательно узнать, что именно ты, своими собственными руками, приложила руку к одной конкретной, весьма печальной смерти. — Она резко, без предупреждения, впила пальцами в мягкий подбородок девушки, с силой заставляя ту поднять голову и жалобно вскрикнуть от боли. — ...к той самой смерти, что была ему так дорога.

Служанка захрипела, пытаясь вырваться, но хватка была мёртвой. Хаос внутри Мелиссы довольно заворчал, как сытый зверь, и она физически ощутила сладостную, пьянящую дрожь, разлившуюся по всему телу.

— Что... что всё это значит? — голос Адриана предательски дрогнул, выдавая смятение. Он медленно поднял тяжёлый взгляд на скорчившуюся у ног служанку. Эта девушка всегда, сколько он себя помнил, находилась рядом с его отцом. Старый король относился к ней почти по-отечески, ведь именно он много лет назад привёл её во дворец — худую, испуганную, на смерть перепуганную девочку, подобранную на холодной улице. Он дал ей не только тёплый кров и еду, но и своё безграничное доверие.

«Нет, не может быть. Она не могла его предать. Как можно вот так, подло, отплатить тому, кто буквально спас тебе жизнь?»

Но слова принцессы впивались в его сознание одно за другим, как острые лезвия. Враг оказался не где-то далеко за стенами, не в чужой стране, а здесь, совсем рядом — тот, кого все вокруг считали почти членом семьи, доверяли самое сокровенное. Он всматривался в бледное, искажённое лицо девушки, лихорадочно пытаясь найти там хоть что-то, оправдание, объяснение, но вместо ожидаемого страха или раскаяния служанка вдруг зашлась истеричным, неестественным смехом и начала медленно раскачиваться из стороны в сторону, будто обезумев.

— Да, это я травила вашего драгоценного короля! — выкрикнула она в голос, и этот криком эхом зазвучал под высокими сводами зала.

Сердце у Адриана в груди будто остановилось на миг, а потом забилось бешено и неровно.

«Отец... Как мы все могли так слепо ошибаться? Как проглядели?»

Служанка злобно, с каким-то диким торжеством рассмеялась ему прямо в лицо. В её расширенных глазах не осталось и следа прежнего, наигранного страха, только безумное веселье. Губы растянулись в кривую, неестественную улыбку, исказившую всё лицо. Внезапно она подтянулась рукой к вороту своего простого платья и с резким, отчаянным движением сорвала тонкие пуговицы, разбрасывая их по полу. Ткань с треском разъехалась в стороны, обнажая бледную кожу на груди. И прямо там, в ложбинке между ключицами, багровел чёткий, словно выжженный калёным железом знак — символ Гильдии Убийц.

Адриан резко выдохнул и невольно отшатнулся назад, словно получив сокрушительный удар тяжёлым кулаком прямо в солнечное сплетение. Его глаза расширились от ужаса и непонимания.

— Нет... — вырвался из груди сдавленный, хриплый шёпот. — Этого не может быть...

«Это неправда. Не она, не та, кому отец так безоглядно доверял все эти годы».

Служанка, казалось, с извращённым наслаждением наблюдала за его смятением и внутренней борьбой. Она хитро прищурилась, точно хищная птица, заметившая добычу, и тихо, с присвистом, усмехнулась.

— Да-а... — протянула она, растягивая слова. — Как же я давно мечтала увидеть именно этот взгляд на твоём лице...

Она прижала дрожащую ладонь к пылающему знаку на своей бледной коже.

— Как долго я скрывала свою настоящую суть под маской этой жалкой, милой служанки, — её глаза неожиданно сверкнули лихорадочным, безумным блеском. — Скоро... совсем скоро этот прогнивший мир перевернётся вверх дном. То, что ваш драгоценный король так отчаянно пытался скрыть, всплывёт наружу... и тогда все, кого унижали и топтали, наконец возвысятся!

Она быстро облизнула потрескавшиеся, сухие губы кончиком языка, не сводя с Адриана горящего взгляда.

— Как же весело мне было наблюдать за вашим падением все эти годы. Жаль только, что не увижу своими глазами, как небеса над этим проклятым замком окрасятся в алый цвет.

Бернар нахмурился так сильно, что его густые брови почти сошлись на переносице, а глаза сузились. По спине пробежало липкое предчувствие, будто кто-то невидимый провёл по

позвоночнику ледяным пальцем. Талли сдавленно сглотнула, её пальцы до боли сильно сжали рукоять меча, так что костяшки побелели, а на ладонях выступила испарина.

— Не только я... нас много, очень много, — продолжила служанка, но договорить не успела.

Мужчина, всё это время молча стоявший на коленях рядом с ней, внезапно метнулся вперёд с какой-то нечеловеческой, пугающей скоростью. Короткое, узкое лезвие тускло сверкнуло в неровном свете магических светильников.

Шух!

Тупой, влажный, неприятный звук пронзил тишину, и сталь легко вошла в её шею сбоку. Девушка дёрнулась, её глаза расширились от шока. Сначала в них мелькнуло простое, детское недоумение, словно она никак не могла понять, что вообще произошло, а потом пришло горькое осознание. Она захрипела, открывая рот и судорожно хватая воздух. Её пальцы, уже слабеющие, подрагивая, вцепились в рукоять ножа, торчащего из её горла, но было уже слишком поздно. Тёплая, густая алая кровь хлынула из страшной раны обильным потоком, заливая ей грудь, пропитывая дешёвую ткань платья тёмным, липким пятном, которое росло на глазах. Она тяжело повалилась на бок, издавая последние, булькающие хрипы. Её губы жалко, беспомощно дрожали, пытаясь сложиться в какие-то слова, которые уже никто и никогда не услышит. Глаза медленно закатились под лоб, оставляя только белки. Тело ещё несколько секунд мелко подрагивало в конвульсиях, а затем окончательно затихло.

Мужчина не остановился на достигнутом. Даже не успев выпрямиться в полный рост, он с низким, звериным рычанием, больше похожим на вой раненого зверя, бросился вперёд — прямо на застывшую Мелиссу. Его бледное лицо было искажено яростью, губы расплылись в крике.

Вжух!

Холодная сталь длинного меча стражника с глухим, тошнотворным хрустом пронзила его тело насквозь. Длинный клинок легко вошёл в спину чуть ниже лопатки, остриё разорвало плоть и мышцы, прошло навывлет и вышло, с другой стороны, из груди, уже полностью окрашенное в ярко-алый цвет. Тёплая, дымящаяся кровь густым потоком хлынула по заточенной грани клинка, заливая руку воина и стекая на белоснежный мраморный пол. Мужчина вздрогнул, медленно, с трудом опустил взгляд вниз и увидел окровавленный конец меча, торчащий прямо из его собственной груди, из-под рёбер.

— Х-хрр... — булькнуло у него в перерезанном горле, и кровавые пузыри выступили на губах.

Он попытался сделать последний шаг, но ноги сразу подкосились, и он начал заваливаться. Густая кровь хлынула изо рта на подбородок.

— ...И небо... — прохрипел он едва слышно, и на его лице застыла странная, безумная ухмылка, не сходявшая до самого конца. — Окрасится... в алый...

С последним, хриплым выдохом он тяжело рухнул на пол лицом вниз, прямо рядом с безжизненным телом служанки. Их кровь быстро смешалась на полу, сливаясь в одно большое, тёмно-алое пятно, которое медленно расползлось в разные стороны.

Мелисса медленно, с явным интересом сощурилась. Она слегка наклонила голову набок, с холодным любопытством разглядывая два окровавленных тела у своих ног, и её тонкие губы медленно растянулись в улыбке.

— Так, так, так... — насмешливо протянула она, небрежным движением стирая алые брызги с бледной щеки тыльной стороной ладони. Её тихий голос заметно дрожал от едва сдерживаемого, какого-то болезненного восторга.

Талли выдохнула так громко и шумно, будто всё это время сознательно держала воздух в лёгких, боясь пошевелиться. Её плечи сразу поникли, устало опустились, меч с громким звоном выскользнул из совершенно ослабевших пальцев и тяжело упал на мраморный пол. Она

крепко зажмурилась, с трудом сглотнув горький ком, подступивший к горлу, и молча, одними губами, поблагодарила все высшие силы за то, что сегодня хоть этим двоим не пришлось умирать от её собственной руки.

Мелисса тем временем неспешно, с показной грацией смахивала несуществующую пыль с окровавленной юбки, разглядывая тёмные пятна на дорогой ткани. Её ледяной, оценивающий взгляд скользнул по застывшей подруге, задерживаясь на её бледном, осунувшемся лице. На губах мелькнула лёгкая, едва заметная усмешка, но в глубине потемневших глаз читался немой укор.

— Ну что ж... раз с этим неприятным делом наконец разобрались... тогда мы, пожалуй, откланяемся, — произнесла она тихо, почти равнодушно, переводя пустой, ничего не выражающий взгляд на Адриана.

Затем, не удостоив его больше ни единым словом или взглядом, она плавно обернулась к своим застывшим воинам и едва заметно кивнула. Стражи тут же синхронно, без лишних слов, выстроились по обе стороны от неё ровным строем. Их руки легли на рукояти мечей, а взгляды стали острыми, отстранёнными, готовыми к любой неожиданности. Бернар шагнул вперёд первым, заслоняя принцессу своей широкой спиной. Его мощные плечи были напряжены до предела, а челюсти сведены так сильно, что на скулах выступили желваки. Он бросил тяжёлый, предупреждающий взгляд на приближённых кронпринца, давая понять, что любое резкое движение будет стоить дорого. Талли встала позади всех, неловко прикрывая тыл и стараясь не отставать от чёткого, слаженного шага стражи. Её взгляд непроизвольно, против воли, метнулся в сторону. Брайан стоял чуть поодаль, и в тот же миг их глаза встретились. Он беззвучно, одними губами, едва заметно прошептал в тишине: — Я приду к тебе...

Она торопливо кивнула ему, краем глаза опасливо оглянувшись на уходящих воинов, и сразу поспешно отвернулась, вновь вжимая голову в плечи. Сердце в груди колотилось так часто и громко, что, казалось, его стук слышат все вокруг.

Мелисса, проходя мимо застывшего Адриана, внезапно остановилась.

— И последнее, ваше высочество, — тихо произнесла она, и в её ровном голосе явственно скользнула сладкая, обволакивающая угроза, от которой по коже побежали мурашки. — Если вы ещё хотите сохранить хоть какие-то добрые отношения между нашими Королевствами, то у меня есть для вас единственное условие.

Он сдержанно напрягся всем телом, но не подал виду, только желваки заходили на скулах.

— Я жду голову настоящего виновника всего этого. Вы лично передадите его нам, живым или мёртвым, мне без разницы. Лишь тогда мы снова сможем заговорить о возможном примирении.

Принц замер, неотрывно смотря ей прямо в глаза, лихорадочно пытаясь найти там хоть слабую искру сомнения, хоть мимолётную тень возможности договориться по-другому, но видел перед собой лишь непоколебимую решимость.

Она отвернулась, даже не дожидаясь ответа, и плавно двинулась к выходу из зала. В тишине гулким эхом отдавались лишь ровные, отмеренные удары её высоких каблуков по холодному мраморному полу. Каждый звук был как удар молота, безжалостно отчеканивающий её последние слова в памяти каждого присутствующего.

Глава 2

В покоях Мелиссы царила нервная, но почти беззвучная суэта. Сборы не заняли много времени — все их вещи легко умещались в пару потёртых сумок из грубой кожи, что стояли у входа. Сама девушка сидела неподвижно в кресле у окна, молча склонившись над исходящей паром чашкой с чаем. Она сжимала её тонкими пальцами так крепко, что костяшки побелели, будто пыталась впитать через обжигающий фарфор хоть немного скудного тепла и согреть им тот ледяной холод, что навсегда сковал её изнутри. Светлая, почти прозрачная жидкость в чашке чуть заметно подрагивала в такт её неровному, тяжёлому дыханию, когда она пристально вглядывалась в её глубину пустыми глазами, словно надеялась разглядеть на дне ответы на все мучившие её вопросы.

Талли тем временем вышла на широкий балкон, желая в последний раз глубоко вдохнуть этот особенный, ни на что не похожий воздух чужого королевства, ощутить на бледной коже ласковое, почти невесомое тепло утреннего солнца и позволить свежему ветру в последний раз коснуться её мокрых от слёз щёк. На ней было нежно-лиловое платье с изящным корсетом, туго стянутым на спине серебристой шнуровкой. Тонкие бретели держали мягко ниспадающую юбку, а лиф, расшитый едва заметным серебряным узором, плотно облегал фигуру. Ветер, словно понимая её настроение, игриво и бережно трепал короткие белые волосы, швыряя непослушные пряди прямо в лицо. Они тут же путались и липли к мокрым щекам, но девушка даже не пыталась их убрать, застыв неподвижно. Слёзы текли сами собой, горячими дорожками катились по лицу и срывались вниз, разбиваясь о каменные перила и оставляя на них лишь мгновенные, прозрачные, тут же исчезающие следы. Сердце в груди сжималось от бессилия.

«Я его больше не увижу... Я навсегда останусь одна... Совсем одна...»

Она судорожно, до боли прижала дрожащую ладонь к губам, подавляя предательский, рвущийся наружу всхлип, и мысленно благодарила ветер за то, что он подхватывал и уносил прочь вдаль её тихий плач, не оставляя свидетелей. И вдруг, сквозь солёный, горький вкус слёз и привычные, вьёвшиеся в память запахи этого утра, до неё донёсся тонкий, едва уловимый, но такой знакомый аромат — свежий, чуть горьковато-сладкий запах цитруса, смешанный с запахом мужского мыла.

«Не может быть...»

Талли резко распахнула мокрые глаза, и на одно короткое мгновение ей показалось, что сердце сорвалось с цепи и заколотилось о рёбра с такой скоростью, что вот-вот вырвется наружу из груди. Она судорожно, нервно заматалась взглядом по сторонам, лихорадочно ища источник этого обманчивого, желанного аромата.

Никого.

Пусто.

Лишь порывистый утренний ветер гнал по каменным дорожкам внизу листья, издавая тот самый шелестящий, одинокий звук. Та хрупкая, тонкая надежда, что на короткую секунду расцвела было в её груди, мгновенно увяла и обратилась в горький прах, а новая волна горечи разлилась по рту, обжигая сильнее любого огня. Она устало закрыла глаза, чувствуя, как очередная волна слёз снова подступает к горлу, готовая прорваться наружу.

— Талли, — едва слышно, но отчётливо донёсся до неё снизу голос.

Она вздрогнула всем телом и замерла, не веря собственным ушам, боясь пошевелиться и спугнуть наваждение. А потом резко, рывком перегнулась через край балкона, её короткие волосы рассыпались вперёд непослушными прядями, но сквозь них она всё же увидела его.

«Брайан!»

Он стоял прямо под балконом, запрокинув голову вверх, и утренний ветер трепал его тёмные, чуть взлохмаченные волосы. Он смотрел на неё и улыбался той самой мягкой, тёплой улыбкой, от которой на его щеках проступали ямочки. Сердце девушки сжалось так сильно и так больно, что она едва не вскрикнула вслух от этого ощущения. Как же ей безумно хотелось сейчас перемахнуть через высокие перила, одним движением прыгнуть вниз, прямо в его раскрытые, ждущие объятия, забыться в них навсегда, уткнуться лицом в его тёплую шею, вдыхая полной грудью этот родной, ни с чем не сравнимый аромат мыла с лёгкими нотками цитруса. Очередная крупная слеза скатилась по её бледной щеке, оставляя мокрый, блестящий след. Капля повисла на подбородке одно долгое мгновение, а затем сорвалась вниз прямо на него, застывшего внизу.

Брайан удивлённо провёл широкой ладонью по своему лицу, ощущая на разгорячённой коже эту драгоценную, солёную влагу, и его широкая грудь сжалась от боли, которую невозможно было заглушить ничем. Он стиснул зубы до хруста, до скрежета, едва сдерживая дикий, неконтролируемый порыв броситься вперёд и взобраться по знакомым, густо увивающим стену лианам прямо к её балкону, как делал это раньше. Но он не мог — он прекрасно понимал, что один неосторожный, поспешный шаг сейчас, и это хрупкое, висящее на волоске перемирие рухнет в одно мгновение, война вспыхнет с новой, чудовищной силой, и тогда уже ничто в мире не остановит кровавую бойню, что захлестнёт оба королевства. Он знал это и всё равно каждая клетка его тела, каждая мышца неудержимо рвалась вверх, к ней: он отчаянно хотел снова коснуться руками её бледного лица, поймать губами каждую горькую слезу, вытереть их мозолистой ладонью, бесконечно шептать слова утешения и любви, но не мог, не смел сделать и шага.

Талли чувствовала это его глухое отчаяние, эту мучительную внутреннюю борьбу в нём, ясно видела её в его потемневших глазах, в каждой напряжённой до предела линии его широких плеч.

Видеть горькие, солёные слёзы своей любимой женщины и не иметь возможности ничего сделать, чтобы остановить их, было просто невыносимо. Брайан с усилием выдавил из себя мягкую, ободряющую улыбку. Он так хотел забрать всю её боль на себя, разделить её, но всё, что ему сейчас было позволено обстоятельствами — это просто стоять внизу и молча смотреть на неё сверху, не в силах прикоснуться, не имея возможности даже сказать вслух всё то, что давно накопило на душе. Несправедливость сложившейся ситуации мертвой хваткой сжимала ему горло, вызывая дикое, яростное желание закричать во весь голос, разорвать тишину этим криком.

Внезапно из глубины покоев донёсся приглушённый шум, и Талли, едва уловив его краем уха, удивлённо обернулась назад. За прозрачными стеклянными дверями, ведущими в комнату, она увидела, как Мелисса резко, почти испуганно вскочила с кресла — один из воинов протянул ей крошечный, туго сложенный в несколько раз клочок бумаги. Девушка мгновенно нахмурилась, её тонкие пальцы крепко сжали записку, а глаза лихорадочно, быстро пробежались по торопливо нацарапанным строкам, и её лицо, ещё мгновение назад сохранявшее привычное спокойствие, резко изменилось. Талли прищурилась, напрягая зрение, отчаянно пытаясь разглядеть, что именно могло так мгновенно и сильно встревожить её всегда невозмутимую подругу, но не смогла прочесть ни слова на таком расстоянии. Она нахмурилась и в последний раз перевела тяжёлый, полный тоски взгляд на Брайана, желая запомнить его именно таким — живым, настоящим, стоящим прямо под её окном, рассмотреть до мельчайших деталей каждую знакомую чёрточку его лица, лёгкие морщинки в уголках тёплых глаз, что появлялись, когда он искренно, открыто улыбался, резкий, гордый излом скул, глубоко посаженные, лучащиеся светом глаза. Она жадно, почти болезненно впитывала в себя его образ, стараясь навеки сохранить в памяти каждую, даже самую незначительную деталь, до дрожи боясь, что эта встреча может оказаться для них последней.

— Мне нужно идти... там что-то произошло, — прошептала она одними губами так тихо, что едва слышала свой собственный прерывающийся голос.

Но ветер, будто искренне сочувствуя им обоим, донёс её тихие слова прямо до застывшего внизу мужчины. Брайан вздрогнул, непроизвольно сжав пальцы с такой силой, что ногти до боли впились в кожу ладоней, и грустно, едва заметно кивнул в ответ. Он не стал спрашивать, что именно случилось, не стал задерживать её лишними словами, просто молча отпустил, прекрасно понимая, что любое слово сейчас будет не только лишним, но и болезненным для них обоих. Некоторое время он ещё стоял неподвижно не в силах сдвинуться с места, провожая тяжёлым, тоскливым взглядом её удаляющийся силуэт, пока тот окончательно не скрылся за прозрачными стеклянными дверями балкона, а в груди неприятно, тревожно кольнуло предчувствием. Что-то было определённо не так. Он провёл языком по пересохшим, потрескавшимся губам и нахмурился так сильно, что между бровей залегла глубокая складка, чувствуя, как по спине противно бегут мурашки, предвещающая неладное. *«Что же там всё-таки произошло?»* — лихорадочно пронеслось в голове. — Надеюсь, ничего серьёзного» Его внутреннее чутьё, то самое, что не раз спасало ему жизнь в боях, теперь настойчиво предупреждало. Он невольно, почти машинально, сжал рукоять меча на поясе и принял решение не уходить, а остаться здесь и внимательно понаблюдать за тем, что будет происходить дальше.

Талли тем временем вернулась в покои, и едва переступив порог, сразу ощутила, как её и без того измученное сердце тревожно сжалось. Бернар стоял, прислонившись широкой спиной к стене, и напряжённо, не мигая, уставился в пустоту перед собой невидящим взглядом, его плечи были неестественно опущены, но мышцы на внушительных предплечьях то напрягались, тугими буграми выступая под бледной кожей, то снова расслаблялись, в такт тому, как ладонь машинально, непроизвольно сжималась в тугий кулак и сразу разжималась. Широкая грудь его вздымалась от глубоких вдохов, и он то и дело с шумом, почти со свистом выдыхал воздух, отчаянно пытаясь подавить внутри тот самый гнев или глухое отчаяние, с которым сейчас яростно, молча сражался.

— Что произошло? — тихо спросила она, подходя ближе.

Мелисса медленно подняла на неё взгляд, её расширенные зрачки дёрнулись, будто она не сразу узнала вошедшую, и молча, протянула вперёд заметно трясущуюся руку с зажатым в ней маленьким, сильно измятым листком бумаги — тем самым, что всего несколько минут назад принёс на своей лапке белоснежная птичка. Талли осторожно, с внезапно проснувшимся дурным предчувствием, взяла записку и начала медленно разворачивать её.

...

Королева слишком слаба. Возвращайтесь как можно скорее. Используйте портал.

Лестар.

...

Талли в полном недоумении, не веря прочитанному, перевела взгляд на подругу, которая стояла посреди комнаты абсолютно неподвижно, стиснув побелевшие пальцы с такой силой, что костяшки выпирали белыми буграми. С её бледного лица сбежала последняя кровь, оставив кожу мертвенно-бледной, почти прозрачной, и только лихорадочно мечущиеся по сторонам глаза, полные ужаса, выдавали ту дикую внутреннюю панику, что сейчас бушевала у неё внутри.

«Всё-таки... мы уезжаем сегодня. И так внезапно...»

— Когда? — спросила она сдавленным, почти беззвучным голосом, который едва сорвался с пересохших губ.

Воины, до этого замершие по углам комнаты безмолвными статуями, даже не шелохнулись в ответ. Даже Бернар застыл, не дыша, пристально уставившись в одну единственную точку на противоположной стене и лишь сильнее, до хруста, сжимая свои кулаки.

— Чуть позже, — наконец произнесла Мелисса глухим, ровным, абсолютно лишённым каких-либо эмоций голосом. — У нас ещё осталось одно небольшое дело.

Она медленно обвела присутствующих тяжёлым, давящим взглядом, и её глаза на мгновение задержались на каждом из них.

— Талли, Бернар... Наведайтесь к Саймону. От него до сих пор нет никаких вестей. Как только вернётесь — мы сразу уходим. Здесь нам больше незачем задерживаться ни минуты.

— Я схожу один, — резко, почти грубо бросил Бернар, уже делая решительный шаг к двери. — Один я справлюсь гораздо быстрее, без лишней суеты.

Он уже был почти у самого выхода, когда Талли возмущённо пошла следом за ним, не в силах сдержать нахлынувшее негодование.

— Почему это ты один? Я тоже хочу пойти! Я вполне могу помочь, если что!

Но юноша, даже не соизволив обернуться к ней лицом, резко, упрямо мотнул головой, отрезая все возражения. В его обычно спокойном, ровном голосе вдруг явственно прорезались стальные, не терпящие никаких возражений нотки, от которых у неё внутри всё похолодело.

— Нет! — отрезал он коротко.

Его широкие плечи дёрнулись в раздражённом, нетерпеливом жесте, и, не удостоив её больше ни единым взглядом, ни дальнейшими объяснениями, он стремительно вышел в коридор. Дверь с глухим стуком захлопнулась прямо перед её носом, оставив девушку в полной растерянности. Несколько долгих секунд она просто неподвижно смотрела на закрытую дверь, безуспешно пытаясь осознать, что только что здесь произошло. Глухое возмущение и острая обида бурлили в ней, закипая с каждой секундой всё сильнее. Затем её непонимающий взгляд резко метнулся к застывшей Мелиссе.

— Что с ним такое, чёрт возьми, происходит?! — вырвалось у неё, и голос предательски дрогнул от нахлынувших эмоций, выдавая внутреннее смятение.

Мелисса медленно повернула голову в сторону двери, за которой только что скрылся Бернар. Она сильно нахмурилась, но на её лице не читалось ни капли удивления, лишь напряжённая сосредоточенность, граничащая с тревогой.

— Не знаю... — тихо, почти про себя, одними губами, ответила она, не отрывая задумчивого взгляда от двери. — Проследи за ним, Талли.

Талли нахмурилась ещё сильнее, чувствуя, как в груди закипает глухой протест против этого приказа.

— Но... он же сам ясно сказал...

— Он что-то скрывает от нас, — перебила её Мелисса, и её голос неожиданно стал резким, не оставляющим ни малейшего пространства для споров или возражений. — Мы не можем позволить себе просто оставить это без внимания, тем более сейчас, в такой момент. Проследи за ним, я тебя очень прошу.

Талли шумно, с присвистом выдохнула, чувствуя, как её сердце болезненно и тревожно сжимается где-то глубоко в груди, отдаваясь глухой пульсацией в висках. Она с силой стиснула кулаки так, что ногти до боли впились в ладони, отчаянно стараясь скрыть ту мелкую дрожь в руках, что выдавала её внутреннее смятение и страх перед неизвестностью.

— Хорошо... — сдавленно, через силу, нехотя выдохнула она, прекрасно понимая, что другого выбора у неё сейчас просто нет.

Она резко развернулась и стремительно направилась к выходу. Где-то глубоко внутри, в самой груди, неумолимо нарастало беспокойство, которое уже невозможно было игнорировать. Оно гулко стучало в висках, давило на рёбра изнутри, сжимало горло тугим, удушающим кольцом, заставляя сердце то испуганно замирать, то снова биться с бешеной, сумасшедшей скоростью, готовым выскочить наружу. Она до боли стиснула зубы и почти побежала по длинному, пустому коридору, чтобы во что бы то ни стало догнать того, кто всего несколько минут назад вдруг стал для них источником этой новой, необъяснимой, смутной угрозы.

...

Под глубоким слоем векового льда и промёрзшей до каменной твёрдости земли раздавался глухой, навязчивый, ритмичный стук — тяжёлый, низкий, похожий на ленивое, размеренное биение огромного каменного сердца, запертого в ледяной темнице. Этот гул разносился тревожным эхом по бесконечным, уходящим в крошечную тьму ледяным тоннелям, пронизывая саму толщу вечной мерзлоты и заставляя мелкую ледяную крошку осыпаться со сводов. Он поднимался всё выше и выше, к замёрзшей поверхности, где обычно лишь злой, пронизывающий ветер одиноко свистел свою песню, перекатывая тяжёлые валуны по каменистым, безжизненным склонам. Но сейчас это была не очередная снежная буря — содрогалась сама земля, крошась и рассыпаясь под бесчисленными ударами заступов и тяжёлых кирок.

По центральному тоннелю, где лёд намертво сковал стены и высокие своды, а холодный воздух стоял такой густой, что, казалось, его можно было черпать ложкой, медленно шагал мужчина. Невысокий, коренастый, он был с ног до головы закутан в дорогие, богатые меха, а каждое его движение выдавало показную, ленивую небрежность полновластного хозяина. Густые, сросшиеся на переносице брови высокомерно взлетали вверх, навеки застыв в маске брезгливого презрения ко всему окружающему. Крючковатый нос, от природы вздёрнутый, казалось, задирался ещё выше, когда его взгляд падал на согнутые спины рабочих. В маленьких, глубоко утонувших в глазницах зрачках пылал почти безумный огонь.

За ним бесшумно скользил худощавый юноша. Высокий и неестественно гибкий, он двигался с лёгкой, почти кошачьей грацией, и его шаги были настолько тихи, что казалось, будто он не идёт по льду, а бесшумно парит над ним, не касаясь поверхности. Длинный, до пят, чёрный плащ тяжело струился за его спиной, полностью сливаясь с окружающим непроглядным мраком тоннеля. Глубоко надвинутый капюшон скрывал его лицо целиком, оставляя в тени лишь бледный, заострённый подбородок и тонкие, плотно сжатые в бесстрастную линию губы. Юноша ни разу за всё время не взглянул на своего хозяина, идущего впереди — всё его внимание было целиком и полностью приковано к тем жалким существам, что надрывались на работе в тоннеле, а в глубине его тёмных глаз плескалось презрение.

Вдоль сырых, покрытых толстым слоем пушистого инея стен, двумя неровными, прерывающимися рядами, тянулись человеческие силуэты. Рабы. Мужчины и женщины — никого не щадила Гильдия, что правила здесь железной рукой. Тяжёлые, проржавевшие цепи намертво сковывали их измождённые, синие от холода руки и ноги, до крови натирая запястья и лодыжки до самой кости, превращая конечности в сплошную кровавую мякоть. На их худых телах висели лишь тонкие, давно промокшие насквозь лохмотья, которые несколько не спасали от пронизывающего холода. Кожа под ними приобрела синюшный оттенок, покрылась глубокими, болезненными трещинами и сочилась сукровицей и кровью. Но они всё равно продолжали механически, почти бездумно копать, с тупым упорством поднимая и опуская тяжёлые кирки, вгрызаясь в промёрзшую насквозь землю. Женщины с пустыми, отсутствующими взглядами и глубоко впавшими, восковыми щеками вяло, еле-еле двигали тяжёлыми лопатами. На их худых, хрупких плечах ярко алели свежие, ещё кровоточащие полосы от недавних ударов хлыстом. Мужчины с осунувшимися, почерневшими от въевшейся грязи лицами и неестественно раздутыми от постоянного голода животами едва держались на дрожащих, ослабевших ногах, готовые рухнуть в любую секунду. Но зоркие надсмотрщики с длинными хлыстами в жилистых руках не позволяли им падать — стоило хоть кому-то чуть замедлиться, как в ледяном воздухе раздавался резкий, противный свист и хлёсткий укус плети.

Один из рабов, совсем ещё юный парень, чьё лицо уже успело до неузнаваемости стертись голодом и постоянным страхом, внезапно оступился, споткнувшись о собственные ослабевшие ноги. С глухим стуком он грузно рухнул на обледенелые колени, инстинктивно, судорожно впиваясь распухшими, посиневшими до черноты пальцами в твёрдую землю, пытаясь удержаться. В тот же миг в промёрзшем, спёртом воздухе резко, пронзительно свистнул хлыст

— длинный чёрный кнут с размаху, со всей дури обрушился на его худую спину, с хрустом разрывая тонкую, грязную ткань и оставляя на бледной коже широкое алое, сочащееся полотно. Юноша вздрогнул, до скрежета стиснув зубы, но не издал ни единого звука, лишь упрямо, отчаянно цепляясь побелевшими пальцами за ледяную крошку под собой, а на его искусанных, пересохших губах выступила алая кровь.

— Вставай! — прорычал надсмотрщик, и хлыст снова угрожающе взмыл в воздух.

Удары сыпались один за другим, безжалостно, методично распарывая кожу и оставляя на ней всё новые и новые кровавые дорожки, на которых крошечные рубиновые капли тут же, на глазах, начинали замерзать в ледяном, обжигающем воздухе, превращаясь в твёрдые красные льдинки. Раб судорожно, со страшным хрипом в груди пытался оттолкнуться дрожащими руками от промёрзшей земли, чтобы подняться, но его ноги напрочь отказывались слушаться. Хлыст взмыл в воздух для третьего, самого сокрушительного удара, но в этот самый миг надсмотрщик внезапно замер, резко остановив занесённую руку на полпути. Мужчина в богатых, дорогих мехах тяжёлой, грузной поступью приблизился и остановился прямо над распластанной, дрожащей фигурой, своей тушей заслонив собой тот скудный, призрачный свет, что ещё пробивался в тоннель. Он медленно и его густая, чёрная тень накрыла юношу целиком.

— Хочешь жить? — его голос прозвучал негромко, тихим, змеиным, пробирающим до костей шипением.

Раб, едва переводя дух после побоев, с трудом поднял на него потухший, абсолютно тусклый, ничего не выражающий взгляд.

Мужчина довольно, хищно ухмыльнулся, на мгновение обнажив ровные, белые зубы, блеснувшие в полумраке.

— Чтобы жить, нужно хорошо работать, мальчик. Запомни это.

В следующее же мгновение он резко, с неожиданной силой выпрямился и с силой, с отвращением оттолкнул юношу тяжёлым сапогом от себя подальше. Тот рухнул на спину с глухим стуком ударившись головой о мёрзлую, твёрдую землю, в висках противно зазвенело, а перед глазами поплыли тёмные, расплывчатые пятна, но сил даже пошевелиться у него уже не было.

Геральд медленно, с преувеличенной, показной брезгливостью отряхнул свои дорогие перчатки, словно только что невзначай прикоснулся к чему-то неимоверно грязному и отвратительному, и невозмутимо двинулся дальше по тоннелю.

— Надеюсь, вы там случайно не повредили мою самую драгоценную Розу? — его низкий голос прозвучал на удивление спокойно, но с явной, опасной ноткой, лёгким, но совершенно недвусмысленным предупреждением для всех присутствующих.

Юноша, всё это время бесшумной, безмолвной тенью следовавший за ним по пятам, едва не запнулся на ровном месте, мгновенно уловив в интонации хозяина эту скрытую угрозу. Ледяной, неприятный холодок пробежал по его спине под плащом, но он тут же, в долю секунды, взял себя в руки и, низко, почтительно склонив голову в глубоком поклоне, ответил ровным, абсолютно бесстрастным, лишённым эмоций тоном:

— Почти нет, мой господин. — Он бросил на Геральда короткий, скользящий, едва уловимый взгляд из-под глубоко надвинутого капюшона, и в его тёмных глазах на одно мгновение мелькнула быстрая, довольная усмешка. — Она, признаться, продержалась недолго... и очень быстро всё рассказала.

В уголках полных, влажных губ мужчины мелькнула хищная улыбка. В памяти тут же, яркой вспышкой, всплыл образ той прелестной леди — настоящей жемчужины, самой ценной во всей его богатой коллекции Роз. Её бархатный, низкий, умоляющий голосок, что звучал так сладко в его ушах, тонкая, изящная шея, на которой его тяжёлые пальцы сжимались с особой, животной, пьянящей нежностью, и её миндалевидные глаза, широко распахнутые от страха. А ещё — её несговорчивая строптивость поначалу, та самая живая, дерзкая искорка

сопротивления в самом начале, что делала эту игрушку особенно пикантной и желанной в его глазах. Он медленно, смакуя жестокое, сладкое воспоминание, провёл кончиком влажного языка по своим зубам. «Жаль», — подумал он без тени сожаления. Его широкая улыбка стала ещё шире, неестественно растянувшись на грубом лице в странной, пугающей гримасе. — *«Она навсегда останется лишь Розой».*

— Что там с той книжной крысой? — лениво, будто между прочим, поинтересовался он, небрежно махнув рукой куда-то в сторону непроглядной, зияющей тьмы бокового тоннеля.

Юноша низко, почти до земли, склонил голову в поклоне, и в его обычно абсолютно бесстрастной, расслабленной позе вдруг появилась лёгкая напряжённость.

— Я лично сделал всё, как вы приказали, мой господин. — В его тихом, ровном голосе на мгновение проскользнула тонкая, почти металлическая нотка тихой, но явной гордости за проделанную работу.

И он буквально внутренне замер, когда Геральд вдруг резко, неожиданно остановился посреди тоннеля. Мужчина повернул к нему свою голову, глядя исподлобья, из-под своих густых, нависших над глазами бровей.

— Символ оставил? На видном месте?

Слуга едва заметно, одними уголками тонких губ, усмехнулся, и в самой глубине его тёмных, холодных глаз вдруг ярко вспыхнула дерзкая, мальчишеская искра, которую он тут же постарался спрятать.

— Во всю стену, мой господин. Не заметить просто невозможно.

Лицо Геральда медленно озарила внезапная, широкая улыбка, ярко сверкнувшая в окружающем мраке белизной его зубов. От острого, сладкого предвкушения внизу живота сладко и тошнотворно, до головокружения, заныло, разливаясь приятным теплом по всему телу. Он на мгновение прикрыл веки, полностью, без остатка отдаваясь этому пьянящему чувству.

«Скоро».

Он глубоко, с шумным, свистящим усилием вдохнул в лёгкие колючий, ледяной, обжигающий воздух, отчаянно пытаясь прогнать накотившее сладкое, дурманящее головокружение и прийти в себя.

— Возвращаемся назад, — произнёс он низко, хриловато, срывающимся голосом. — У нас с тобой ещё остались неотложные дела.

Юноша молча, без единого слова, низко склонился в глубоком поклоне, и его отточенные до полного автоматизма движения были безупречны, но, когда он медленно выпрямился, в самых уголках его тонких, бескровных губ заиграла едва уловимая, полная предвкушения и скрытого торжества улыбка. Сделав бесшумный шаг вслед за удаляющимся хозяином, он вдруг поймал себя на неожиданной, но приятной мысли: *«А может, мне всё-таки стоит ненадолго наведаться в тот старый книжный магазинчик?»* Мысленно он уже ярко, до мельчайших деталей, представлял себе сладкую картину: как свет понимания того, что произошло, будет медленно, неумолимо гаснуть в глазах того высокомерного асура, сменяясь сначала неверием, а потом ужасом и слепой, бессильной яростью.

«Когда он увидит и поймёт, что весь его привычный, уютный мир в одно мгновение рухнул и рассыпался в прах, я буду стоять рядом. Я буду там и своими глазами увижу, как он наконец сломается».

Геральд и его бесшумная тень окончательно скрылись в мраке бесконечного ледяного тоннеля. А сотни рабов тем временем продолжали свою работу, молча, без единого стога и намёка на слабую надежду, тупо и размеренно колотя затупившимися, тяжёлыми кирками по твёрдой ледяной породе. Их распухшие, окровавленные, почти негнувшиеся пальцы судорожно, отчаянно цеплялись за острые камни, но они не смели останавливаться ни на секунду. Зоркие надсмотрщики неспешно шагали вдоль длинных, тяжёлых цепей, лениво пощёлкивая длинными хлыстами, и каждый из них знал — одно неосторожное, неверное слово, один лишний

взгляд, и он сам в ту же секунду окажется по ту сторону этих самых цепей, вместе с остальными рабами. Тоннель медленно, но неумолимо уходил всё дальше и дальше вперёд, вглубь ледяной пустыни, к самой дальней границе северного королевства Атрея.

Глава 3

Торговый район был тих, как никогда прежде. Город словно замер в тягучем, напряжённом до предела ожидании, будто перед страшной грозой, которая никак не могла разразиться. Последствия того, что случилось прошлой ночью, всё ещё витали в воздухе, окутывая пустынные улицы липким, сладковато-горьким страхом, который, казалось, можно было попробовать на язык. Слухи, подобно огромной стае чёрных, наглых воронов, бесшумно расползались по каждому тёмному закоулку, оседая в приглушённых, испуганных шёпотах из-за наглухо закрытых деревянных ставней, в быстрых, украдкой брошенных взглядах из-за углов, которые тут же прятались, стоило только заметить ответный взгляд. Каждый торговец, каждая служанка, каждый житель, трусливо запершийся в своём доме на все засовы, говорил сейчас только об одном:

— Кто отравил Принцессу Севера? — испуганно шипели взволнованные голоса за плотно закрытыми дверями.

— Она уже мертва, точно вам говорю. Я лично слышал, что её не смогли спасти никакие лекари... — неслоь откуда-то из полуоткрытого, тёмного погреба, и голос дрожал так, будто говоривший сам боялся каждого своего слова.

— Да нет же! Врут всё! Говорят, она просто уснула после бала и так и не проснулась больше... — доносилось из-за высокого забора, и этот шёпот тут же подхватывал кто-то ещё.

Обрывки случайно подслушанных разговоров навязчиво тянулись за редкими, торопливыми прохожими, словно зловещий шлейф. Незримые нити лжи, отчаянных догадок и самого настоящего ужаса опутывали весь квартал плотным коконом, неумолимо сжимая его в своих ледяных тисках. Молва неслась по городу быстрее самого сильного ветра, и была ли в этом бурлящем потоке хоть одна маленькая капля правды — этого уже не знал никто.

Талли бесшумно скользила в глубокой, спасительной тени, плотно прижимаясь спиной к шершавым стенам старых домов. Тонкая ткань нежно-лилового платья, которое она выбрала сегодня, холодила кожу, заставляя острее чувствовать сырость камня. Изящный корсет, туго стянутый на спине серебристой шнуровкой, сковывал движения, напоминая: этот наряд предназначен вовсе не для слежки. Она ловко использовала любую складку полумрака, любую выступающую балку или покосившуюся водосточную трубу, мгновенно сливаясь с ними в единое целое. Она шла буквально по пятам за Бернаром, держась на дистанции, почти незаметной для постороннего глаза. Но с каждым пройденным кварталом, с каждым километром в груди всё сильнее разгоралось тревожное предчувствие. Оно витало в пустых, словно вымерших переулках, в безлюдных улочках, где даже ветер, казалось, затаился и дышал гораздо тише обычного, боясь нарушить зловещую тишину. Редкие прохожие, те немногие отчаянные смельчаки, что ещё решались выйти из своих укрытий, поспешно, почти бегом перебежали через дорогу, кутаясь до самых глаз в длинные плащи и торопливо опуская взгляды в землю.

Ветер внезапно пробежал прохладным сквозняком по узкому, тёмному проходу между высокими домами, всколыхнув её короткие белые волосы. Несколько непослушных прядей упали на лицо. Девушка невольно замедлила шаг, замерла, настороженно прислушиваясь к внутренним ощущениям. Острый, тренированный взгляд мгновенно метнулся по окрестностям, лихорадочно выискивая малейшее подозрительное движение, любую скрытую угрозу. Вокруг стояла неестественная тишина. Крупные мурашки противно побежали по коже под тонкой тканью платья. Она вся внутренне напряглась до предела. В обычно шумных, многолюдных и вечно спешащих местах сейчас не было ни единой живой души. Ни привычных криков торговцев, навязчиво зазывающих покупателей. Ни громкого лязга колёс тяжёлых телег по неровной каменной брусчатке. Ни вечных сварливых перебранок лавочников из-за места получше. Никто не торговался до хрипоты, не смеялся громко, не спорил до драки. Лишь отдалённый, одинокий скрип давно незапертой деревянной ставни где-то в конце улицы да тороп-

ливый, испуганный шорох поспешно захлопывающейся вдалеке двери изредка нарушали эту тишину.

Она почувствовала, как её пальцы сами собой, машинально скользнули к рукояти острого кинжала. Оружие было надёжно скрыто под тканью нежно-лилового платья. Привычный, успокаивающий холод гладкого металла немного притупил противную, нервную дрожь в кончиках пальцев, но не мог развеять тот страх, что плотным кольцом окутал этот проклятый город.

Бернар шёл далеко впереди неё, не оглядываясь назад, полностью погружённый в пучину своих собственных раздумий. Он совершенно не замечал ни этой зловещей, вымершей пустоты безлюдных улиц, ни притаившихся за наглухо закрытыми ставнями испуганных взглядов, ни той самой неестественной тишины. Он был слеп и глух ко всему, абсолютно ко всему, что происходило снаружи, весь без остатка уйдя глубоко в себя, в свои мысли об Астре. Каждый новый шаг по мостовой отдавался в широкой груди глухой, ноющей болью, которая никак не хотела отпускать. Мысли о ней нещадно давили на сердце, безжалостно сжимая его в тугих ледяных тисках, раздирая изнутри живыми, окровавленными когтями, оставляя после себя лишь пустоту и отчаяние. Он просто не мог, не в силах был поверить до конца, что уже совсем скоро, быть может, через какие-то несколько часов, ему придётся уйти отсюда навсегда. И что, вполне возможно, он больше никогда в жизни не увидит её. Никогда не услышит её звонкого, счастливого смеха, не почувствует на своей коже тепло её нежной, маленькой руки.

Одна только мысль об этом с силой сдавила горло тугим стальным обручем, перекрывая дыхание, и он с огромным трудом, через силу, проглотил тот горький, подступивший к самому горлу ком, что грозил вот-вот вырваться наружу. Мысль о том, чтобы прямо сейчас развернуться и навсегда уйти обратно на холодный, промёрзлый Север без неё, была просто невыносимой. Юноша вдруг до безумия захотел немедленно развернуться и бежать со всех ног, не останавливаясь ни на секунду, и одним ударом тяжёлого сапога снести с петель дверь и снова, немедленно, увидеть её своими глазами. Схватить в свои крепкие объятия, изо всех сил прижать к груди, вдохнуть родной запах и больше никогда, ни за что на свете не отпускать от себя. Да к чёрту всю эту дурацкую осторожность! Пусть весь белый свет, пусть все вокруг увидят и узнают, что он её спас, что он наконец вырвал её из цепких, жестоких лап этого равнодушного, безжалостного мира, в котором ей не место. Пусть смотрят все — ему абсолютно всё равно, он ничего и никого не боится. Но он не мог себе этого позволить. Пока — не мог, и это разрывало его изнутри.

Его воспалённые, покрасневшие глаза лихорадочно, почти судорожно метнулись куда-то в сторону, и он, ни на секунду не сбавляя быстрого, решительного шага, бросил короткий, полный невыносимой боли и жадной тоски взгляд на знакомые окна второго этажа Дома Роз.

Её окна.

Широкая грудь снова сжалась от той самой знакомой, изматывающей боли, что, казалось, стала уже неотъемлемой частью его жизни. Деревянные ставни на них были плотно, наглухо закрыты изнутри, лишь самый краешек лёгкой занавески едва заметно колыхнулся от внезапного, резкого порыва ветра.

«Она сейчас там... Я точно знаю, что она там...»

Он замедлил шаг, почти непроизвольно останавливаясь, ноги сами начали замирать прямо посреди пустынной улицы, но тут же резко мотнул тяжёлой головой, с силой стгоя с себя это наваждение.

«Нет... Сначала нужно найти Саймона. Я должен предупредить его о нашем скором отъезде, хотя он скорее всего и так уже знает. Должен попросить его... присматривать за ней, когда меня не будет рядом. Только ему... только ему одному я могу сейчас доверять».

Бернар выдохнул, с силой втягивая в разгорячённые лёгкие обжигающе холодный воздух сквозь крепко стиснутые до боли зубы. Всё его большое, сильное тело ныло и отчаянно протестовало против каждого шага прочь, каждая клетка внутри громко кричала, настойчиво требуя

немедленно развернуться и со всех ног броситься обратно, туда, где за этими глухими ставнями осталась она. Но он упрямо, до хруста в суставах, сжал челюсть и заставил себя сделать ещё один шаг вперёд. *«Она ни в коем случае не должна остаться там совсем одна...»* — эта мысль нещадно жгла его изнутри, заставляя идти ещё быстрее, почти бежать, чтобы поскорее выполнить задание и немедленно вернуться к ней.

Юноша судорожно сглотнул тугой комок, вставший поперёк горла, и его глаза, ещё всего секунду назад полные невыносимой, разрывающей боли, вдруг ярко вспыхнули огнём решимости. Он резко развернулся на месте и, больше ни разу не оглянувшись назад, зашагал дальше по пустынной, вымершей улице, и его длинный, тёмный плащ тяжело развевался за широкими плечами.

Талли, неотступно следовавшая за ним, видела, как он внезапно замедлил шаг прямо у Дома Роз. Видела, как его широкие плечи дрогнули от беззвучного, тяжёлого вздоха, как его полный невыразимой тоски и глухой, бессильной ярости взгляд буквально пронзил насквозь закрытые деревянные ставни. *«Куда же ты всё-таки идёшь, Бернар? — лихорадочно билась в её голове тревожная мысль. — Что ты такое задумал? Что ты так упорно скрываешь от всех нас?»* Она затаила дыхание до звона в ушах, продолжая бесшумно красться за ним по пятам, и её гибкая фигура полностью сливалась с тенями высоких домов, ловко петляла в узких, кривых переулках, ни на секунду не выпуская его из виду. И никак не могла избавиться от этого навязчивого, дурного ощущения, которое не давало покоя.

«Не думай даже, что я позволю тебе вот так просто скрыться от меня, Бернар... Не думай, что я отстану...»

Внезапно ветер с такой дикой, неистовой силой завыл в узком проулке, словно на него внезапно набросилась огромная стая голодных, озверевших волков. По широкой спине юноши противно пробежали крупные мурашки, заставляя вздрогнуть. Бернар сильно нахмурился, невольно замедляя быстрый шаг. Он отчётливо, каждой клеточкой кожи, чувствовал, как прямо между лопаток неприятно жжёт. Он инстинктивно, почти резким, нервным рывком обернулся назад, напряжённо глядя в пустоту позади себя. Но улица была абсолютно безмолвна и пуста. Ни одной живой души, ни малейшего движения в глубокой, зияющей темноте теней. Тихо. Так неестественно, пугающе тихо, что слышен был лишь одинокий, заунывный вой ветра, но навязчивое, сверлящее ощущение чужого взгляда никак не покидало его, продолжая неотступно сверлить затылок, не давая покоя. Он медленно, очень медленно повертел головой, внимательно, с подозрением глядя в каждую тёмную амбразуру, в каждую узкую дверную щель, каждое окно. *«Наверное, это просто играет моё уставшее воображение»*, — попытался он неубедительно убедить самого себя, с силой сжимая ладонями виски, где бешено пульсировала кровь. *«Нужно поскорее со всем этим разобраться и... снова увидеть её»*. Юноша с силой повёл напряжёнными плечами, отчаянно пытаясь сбросить с себя эту невидимую, давящую тяжесть, и снова решительно зашагал вперёд, до боли сжимая огромные кулаки, пытаясь во что бы то ни стало выбросить из головы это навязчивое, тревожное чувство.

Вот наконец и нужная дверь. Старая, облупившаяся краска на ней сейчас казалась особенно мрачной. Маленькие медные колокольчики, висевшие над входом, всегда приветствовали посетителей веселым перезвоном, сейчас жалобно, надрывно звякнули, когда он толкнул дверь плечом. Внутри маленькой, всегда такой уютной лавки было непривычно мрачно, пусто и зловеще. Одна единственная деталь тут же больно кольнула его прямо в сердце — повсюду, в каждом углу, стояла абсолютная тишина. Часы на стене, которые всегда тикали с уютной настойчивостью, молчали. Не скрипели половицы под ногами. Даже собственное дыхание казалось оглушительно громким. Эта тишина невыносимо давила на уши, на грудь, на виски, тяжёлым грузом оседая внутри. Она заставляла и без того встревоженное сердце биться ещё чаще, ещё беспорядочнее, готовым выскочить из груди. В самом низу живота замер

огромный, ледяной ком предчувствия неминуемой беды. Сделав ещё один шаг вглубь лавки, он замер, прислушиваясь, и именно тогда почувствовал его.

Запах.

Слабый, едва уловимый в этом спёртом, затхлом воздухе, но такой знакомый, до тошноты, знакомый каждому, кто хоть раз бывал в настоящем бою. Сладковатый, приторно-тяжёлый и отчётливо металлический, въедливый запах — тот самый, что оставляет после себя свежая, только что пролитая человеческая кровь.

Маленькая, когда-то до уютная и всегда пахнувшая сушёными травами и старыми книгами лавка Саймона, теперь была безжалостно разрушена до самого основания, словно здесь совсем недавно пронёсся самый настоящий, дикий смерч. Высокие стеллажи с древними книгами и свитками были опрокинуты на пол. Уникальные, старинные фолианты и скромные, потрёпанные томики в полном беспорядке валялись на грязном, истоптанном полу, и многие из них были варварски разорваны в мелкие клочья, словно обезумевший от ярости зверь в бессильной злобе рвал их голыми руками. Повсюду виднелась грязь и чёткие следы грубых мужских сапог. Их было много, никак не меньше трёх-четырёх пар, и в каждом углу этой маленькой комнаты Бернар с ужасом читал немые свидетельства недавней, ожесточённой борьбы. Вся деревянная мебель была перевёрнута вверх дном, а пол во многих местах был залит лужами и мелкими брызгами ярко-алого, ещё не успевшего до конца засохнуть цвета. Кровь. Она была буквально повсюду — на полу, на стенах, на обломках книг, на перевёрнутой мебели. Юноша сделал ещё один шаг вперёд. Он до ужаса, до дрожи в коленях боялся, что его самые страшные, самые худшие подозрения сейчас окажутся правдой.

— Саймон? — его собственный, неожиданно севший голос с огромным трудом прорывался наружу сквозь тот тугой, удушающий ком, что мёртвой хваткой сжимал сейчас горло. Он нерешительно двинулся вперёд, медленно направляясь к той узкой, скрипучей деревянной лестнице, что вела наверх, в жилые комнаты.

Ответа не последовало.

Бернар резко сорвался с места, одним мощным прыжком взлетел по старым, жалобно скрипящим, неровным ступеням, и его ноги едва касались досок, пока он наконец не оказался на небольшой площадке второго этажа, где его встретила точно такая же картина: кровать была вспорота чем-то острым прямо посередине. Разорванная подушка валялась прямо у его ног, и повсюду, куда ни падал взгляд, на полу и на стенах зияли глубокие борозды, ужасно похожие на отчётливые следы огромных, мощных когтей какого-то чудовищного, дикого зверя, что в припадке нечеловеческой, слепой ярости крушил всё вокруг. Они беспорядочно, хаотично пересекали всю маленькую комнату. Он сжался всем телом, почувствовав, как липкий страх медленно, но неумолимо обвивает его душу холодными, скользкими щупальцами, с силой сжимает горло, перекрывая дыхание. До хруста стиснул огромные ладони в кулаки с такой силой, что острые ногти глубоко впились в кожу, оставляя на ней болезненные, красные полумесяцы, отчаянно пытаясь через эту острую, отрезвляющую физическую боль вернуть себе ускользающий контроль над телом. Он резко развернулся и, не помня себя, помчался вниз по скрипучей лестнице, перепрыгивая через несколько ступенек сразу, игнорируя каждый внутренний крик, каждое громкое предостережение разума, безудержно устремляясь в самую глубину разгромленного магазина, откуда и доносился этот приторно-сладкий запах свежей крови.

На грязном, истоптанном полу, среди груды разбросанных книг с вырванными, измятыми страницами и тяжёлых обломков когда-то крепкой, добротной мебели, он вдруг заметил маленькие тельца белых птичек. Их тонкие, изящные шейки были неестественно вывернуты, а круглые, остекленевшие глаза-бусинки, казалось, всё ещё были наполнены ужасом и смотрели прямо на него.

С каждым новым шагом в самую глубину разгромленной лавки этот страшный, тошнотворный запах крови становился всё ярче, всё отчётливее. Он висел в воздухе густым, сладко-

ватым туманом, пронизывая насквозь, въедаясь в ткань его одежды и пропитывая собой каждую клетку лёгких, не давая вздохнуть полной грудью. Бернар мысленно, с отчаянием молился, взывая ко всем богам, каких только знал, умоляя их, чтобы Саймон остался жив. Когда он наконец, с трудом переставляя непослушные ноги, пробрался в самый конец небольшого магазина, силы разом покинули его, и он обессиленно рухнул прямо на колени. Его руки безвольно повисли вдоль тела, а сам он не мог больше пошевелиться, не в силах издать из пересохшего горла ни единого, даже самого слабого звука. Около прилавка, среди белых перьев и огромных, тёмных, почти чёрных луж крови, неестественно раскинувшись, неподвижно лежал Саймон. Его бледные веки были сомкнуты, а из широкой груди, чуть левее самого центра, торчала чёрная, резная рукоять кинжала. Густая, алая кровь медленно, но всё ещё, по капле, сочилась из глубокой раны, тонкой, извилистой змейкой растекаясь по неровному полу. Бернар не мог выдавить из себя ни единого слова, чувствуя, будто его со всего размаху, с чудовищной силой огрели тяжёлой кувалдой прямо по голове — острая, почти невыносимая физическая боль мгновенно пронзила виски насквозь, а перед глазами всё вдруг поплыло, закружилось в какой-то белой, слепящей пелене, сквозь которую он с трудом различал очертания предметов. Но вдруг, совершенно неожиданно, окровавленная грудь Саймона слабо приподнялась, и из его приоткрытого рта вырвался тонкий, хриплый, свистящий, едва слышный вдох. Бернар подорвался с колен и в то же мгновение оказался рядом и склонился над ним. Он изо всех сил прижал свои огромные, дрожащие ладони прямо к ране на его груди и отчаянно пытался остановить эту проклятую кровь, но она, назло всем его усилиям, горячими, липкими, неудержимыми потоками всё равно просачивалась сквозь крепко стиснутые пальцы, стекая по дрожащим запястьям.

Саймон медленно, с трудом разлепил тяжёлые веки, и острая судорога боли исказила его измождённое, осунувшееся лицо, неестественно бледная кожа на острых скулах до предела натянулась, безжалостно обнажив под собой жутковатые, отчётливые контуры черепа, проступающие сквозь неё. Он с огромным, видимым трудом перевёл свой затуманенный, уже почти угасший, мутный взгляд на склонившегося над ним Бернара, и тогда его губы дрогнули, пытаясь сложиться в слабую улыбку. Мужчина, несмотря на всю эту боль и близкую, неизбежную смерть, был по-настоящему счастлив увидеть его в последний раз.

— Саймон... Держись, пожалуйста, прошу тебя, держись изо всех сил! Я сейчас, я обязательно помогу тебе, я сейчас позову кого-нибудь на помощь! — голос Бернара дрожал, срываясь на хриплый, отчаянный, полный слёз шёпот, и он, не помня себя, лихорадочно, безумно закрутил головой по сторонам, отчаянно высматривая хоть кого-то живого, но вокруг царила лишь всё та же тишина, которую нарушали сейчас только его собственное, рваное, прерывистое дыхание да редкие, булькающие хрипы Саймона, что вырывались из его груди с каждым новым вздохом.

Кровь продолжала медленно, но неумолимо сочиться сквозь пальцы, но Бернар ни на секунду не ослаблял своей хватки, с какой-то безумной, отчаянной силой вжимая дрожащие ладони в рваную, мокрую плоть, словно мог одной лишь своей волей, одним желанием удержать ту самую жизнь, что с каждой секундой стремительно убегала прочь.

«Нет! Нет! Нет! Этого не может быть! Только не он!»

Юноша из последних сил отказывался признавать очевидную, страшную правду. Саймон вдруг слабо, едва слышно застонал сквозь стиснутые зубы, и его пальцы с поломанными ногтями прерывисто дрогнули, медленно поднимая непослушную ладонь. Каждое это крошечное движение давалось ему трудно, безжалостно отнимая последние, жалкие крохи сил, что ещё теплились в его теле, и как только его дрожащая рука хоть чуть-чуть приподнялась, густая, тёмная кровь из раны под прижатыми ладонями Бернара вдруг хлынула наружу с новой, просто пугающей, неудержимой силой, заливая всё вокруг.

— Саймон, тебе сейчас нельзя двигаться! Лежи смирно, пожалуйста, умоляю тебя! — с отчаянием в голосе произнёс он.

Глаза Саймона, ещё совсем недавно такие ясные и живые, вдруг резко потемнели, зрачки неестественно расширились, жадно поглощая последние остатки тусклого света. Он медленно, дрожащей от слабости рукой провёл ладонью по небритой щеке Бернара.

— Это... уже совершенно бесполезно, мой мальчик... — едва слышно, на одном лишь последнем, свистящем выдохе прошептал он.

Ладонь Бернара судорожно, до боли сжала холодную руку Саймона, он отчётливо чувствовал, как тот слабый, едва уловимый, затихающий стук жизни с каждой секундой становится всё тише, всё глуше, вот-вот и вовсе замрёт навсегда. Горячие, обжигающие слёзы жгли воспалённые глаза едким, невыносимым огнём, застилая весь окружающий мир мутной, расплывчатой пеленой, сквозь которую ничего не было видно, но он изо всех сил стиснул челюсти и не дал им скатиться по щекам, проглотив эту боль внутрь себя. Его собственные руки предательски, мелко дрожали, выдавая всё внутреннее напряжение, но он ни на секунду не разжимал побелевших пальцев, боясь, что именно это прикосновение — последнее, что ещё хоть как-то связывает уходящего Саймона с этим жестоким миром.

Старик вдруг слабо дрогнул всем телом. Лёгкая, почти невесомая улыбка тронула его сухие, до крови потрескавшиеся, уголки губ.

— Сынок... — прошелестел он едва слышно, и его внезапно осипший, севший голос был сейчас таким тихим, таким невероятно хрупким, что больше всего напоминал лёгкий шелест сухих листьев под ногами случайного прохожего.

Бернар услышал, и вдруг всем своим существом почувствовал, как в самой глубокой, потаённой глубине его груди что-то с оглушительным, неслышным миру грохотом внезапно обрывается и стремительно падает в чёрную, бесконечную бездну, из которой уже нет возврата. Саймон повернул голову, и его уже заметно потускневший, мутный взгляд с трудом зацепился за бездыханные, неестественно скрюченные силуэты его любимых белоснежных птиц, что так и остались лежать на полу. *«Простите меня, родные... Я не сумел, не смог вас защитить»*, — без труда прочитал юноша в его беззвучном, едва шевелящемся шёпоте, обращённом к ним.

Окровавленная грудь Саймона медленно, очень медленно опустилась в последний раз и навеки замерла, больше ни разу не попытавшись подняться. Весь тот живой, тёплый, искрящийся блеск в его глазах раз и навсегда ушёл, улыбка окончательно покинула его осунувшееся, посеревшее лицо, уголки губ безжизненно обвисли вниз, приоткрыв рот. Его холодная рука стала вдруг невыносимо тяжёлой и медленно соскользнула из ослабевшей руки Бернара, но тот, словно очнувшись, успел поймать её на лету, прежде чем она с глухим стуком грубо ударилась о пол.

— Саймон... нет, пожалуйста, только не ты... — его собственный, незнакомый, чужой голос неожиданно сорвался в хриплый, сиплый, надрывный крик, в котором смешалась и выплеснулась наружу вся та невыносимая, многолетняя боль, что копилась внутри, и беспросветное отчаяние, что захлестнуло его сейчас с головой, не оставляя шанса на спасение.

Он рывком притянул уже заметно остывающее, безвольное тело старика к себе на грудь, обхватив его руками так крепко, словно пытался удержать, не дать уйти, вдохнуть в него жизнь обратно, до боли впиваясь онемевшими пальцами в его плечи. Дыхание сбилось и беспорядочно путалось в груди, а в ней, прямо под рёбрами, сжимался огромный, колющий ком, что казалось, ещё немного и рёбра просто не выдержат, треснут под этим чудовищным напором изнутри. Внутри у него всё громко кричало, надрывно вопило от ужаса, но голос напрочь застрял где-то глубоко в сведённом судорогой горле, и он мог только беззвучно, одними губами, что-то бессвязно шептать, не отрывая взгляда от этих широкораспахнутых, уже остекленевших глаз, лихорадочно, отчаянно выискивая в их глубине хоть одну крошечную, слабую искорку, хоть малейший отблеск того тепла, что было там всего лишь одно короткое мгновение назад.

Внезапно, с оглушительным, резким стуком, хлопнула входная дверь, и в разгромленный, пропитанный смертью магазин ворвался сильный, порывистый сквозняк, подхвативший с пола пыль, перья и мелкий мусор, закружив их в воздухе и сорвав со стола несколько уцелевших страниц из разорванной книги. Это была Талли. Она застыла на высоком пороге, вцепившись побелевшими, дрожащими пальцами в облупившуюся, старую краску дверного косяка. Её испуганные глаза бегали по комнате, лихорадочно выхватывая из полумрака перевёрнутые, тяжёлые стеллажи, груды разбросанных книг и те огромные, тёмные пятна на полу. Дыхание её стало частым, поверхностным, со свистом вырываясь из приоткрытого рта, а ноги, казалось, намертво вросли в пол, наотрез отказываясь слушаться и сдвинуться с места хоть на шаг.

— Б-Бернар? — её тонкий, испуганный голосок прозвучал в этой тишине неожиданно громко.

Он не ответил. Все нужные слова разом застряли где-то глубоко в саднившем горле, мгновенно превратившись в беззвучный ком, который невозможно было ни проглотить, ни выплюнуть. Он просто продолжал сидеть на холодном полу, вжимая в свою широкую грудь остывающее тело старого друга, и всем своим существом чувствовал, как внутри него самого, в самой глубине души, неумолимо растёт точно такая же леденящая пустота.

Талли побежала и быстро пересекла весь магазин, найдя Бернара.

— Ч-что здесь, чёрт возьми, произошло? — едва слышно, испуганным шёпотом выдохнула она. Её глаза скользили по застывшему юноше и тому незнакомому седому старику, которого он так отчаянно прижимал к себе. Весь длинный плащ друга был насквозь промокшим и сплошь покрыт тёмными пятнами крови, и на одно короткое мгновение страх мертвой хваткой сжал её перепуганное сердце.

— Ты сам... ты ранен? — она сделала ещё один неверный шаг в его сторону, инстинктивно, не думая, протянув вперёд дрожащую, бледную руку, чтобы прикоснуться, проверить, но Бернар вдруг резко, почти агрессивно отклонился назад всем корпусом, не позволив ей дотронуться до себя.

— Я нет, — его голос прозвучал глухо.

— Что здесь случилось? Это же Саймон, да? — голос Талли невольно срывался на пронзительно высокие, истеричные ноты, наполненные разрастающейся паникой, а её вытаращенные глаза лихорадочно впивались в каждую деталь вокруг: поваленные полки, бесчисленные разбросанные книги, жуткие тёмные лужи на полу и тот удушливый, медный, тошнотворный запах свежей крови, что густым, невидимым облаком висел в спёртом, застывшем воздухе.

Бернар молча лишь коротко кивнул ей в ответ, низко опуская голову на грудь. Он медленно, осторожно уложил безжизненное, остывающее тело Саймона обратно на деревянный пол, и его собственные руки, ставшие вдруг совершенно чужими, онемевшими и непослушными, безвольно соскользнули вниз. Спустя пару секунд, он всё же сжал дрожащие, окровавленные пальцы в кулаки, изо всех сил пытаясь хоть как-то загнать обратно, подавить ту дикую, неконтролируемую дрожь, что пробирала его всё глубже и глубже, до самых костей, и осторожно, кончиками пальцев, навсегда прикрыл старику его остекленевшие глаза.

— Пусть теперь боги оберегают твой вечный покой, Саймон. Надеюсь, ты наконец встретишься там, наверху, со своей семьёй, — его осипший, севший голос неожиданно дрогнул и окончательно сорвался на едва слышный, надломленный, полный слёз шёпот, и эти последние, прощальные слова тяжело повисли в спёртом, удушливом воздухе, навсегда смешавшись с густым запахом старой пыли, крови и приближающейся смерти.

Талли осторожно, едва дыша, опустилась рядом с ним на колени. Её тонкие, нервные пальцы неуверенно, с замиранием сердца коснулись холодной кожи на шее старика, отчаянно выискивая там хоть малейшую, слабую пульсацию, хоть один признак того, что они ошибаются.

«Пульса нет...»

Она невольно задержала испуганное дыхание, не в силах больше оторвать тяжёлого взгляда от своего друга, застывшего рядом. Всё его обычно суровое, живое лицо будто разом осунулось за эти несколько бесконечных минут, серая, мертвенная кожа туго обтянула острые скулы, под глазами залегли глубокие, тёмные тени. Его широкие плечи обмякли, а потухший, отсутствующий взгляд был сейчас устремлён куда-то вглубь самого себя.

Вскоре, с глухим, надрывным стоном, вырвавшимся из самой глубины груди, Бернар поднялся, опираясь дрожащими ладонями о собственные колени. Его широкие, могучие плечи медленно, с хрустом распрямились, и мутный, затуманенный болью взгляд медленно пополз по разгромленному магазину — сломанные полки, разорванные в клочья книги, тёмные, злоеющие разводы на полу, что тянулись во все стороны, пока внезапно не упёрся в стену прямо за старым прилавком. В тот же миг его глаза резко застыли, в их глубине мелькнуло сначала искреннее недоумение, а следом, почти мгновенно, пришло обжигающее понимание. Челюсть сжалась с такой силой, что острая, простреливающая боль тут же отдала в самые виски, заставив его поморщиться. Как он мог сразу не заметить этого?

На бежевой, чуть облупившейся стене, широкими, размашистыми, небрежными мазками, чьей-то твёрдой, уверенной рукой был нагло выведен символ — огромный паук, раскинувший свои лапы на полстены. Юноша до хруста, до боли сжал кулаки, и острые ногти глубоко впились в кожу ладоней, оставляя на ней влажные, красные полумесяцы, которые тут же запульсировали болью. Он тяжело, со свистом втянул в лёгкие спёртый воздух, и вместе с ним в нос с новой силой ударил этот густой, приторно-сладковатый, тошнотворно-металлический запах свежей крови. И именно тогда, в самой потаённой глубине его измученного сознания что-то вдруг тревожно шевельнулось — та самая древняя, первобытная тьма, которую он долгие годы, ценой невероятных усилий, держал на крепкой, надёжной цепи, вдруг довольно заурчала, предвкушая скорую свободу.

— Мы хотим крови, — отчётливо прошелестело у него в голове, и этот шёпот раздался сразу отовсюду, заполняя собой каждый уголок сознания.

Бернар резко, почти бешено, с силой мотнул головой, изо всех сил пытаясь сбросить с себя это навязчивое, чужеродное наваждение, не поддаваться ему.

— Убей их всех до одного. Кровь за кровь, только так. Мы тебе поможем, — голос прозвучал снова, на этот раз ещё ближе, ещё отчётливее, медленно, но, верно, обволакивая его истерзанное сознание.

«Уйдите прочь, уйдите! Я не хочу, не желаю вас слушать!» — отчаянно закричал он про себя, с силой сжимая пальцами разрывающиеся виски, но внутренний, проснувшийся хаос лишь тихо, мерзко, довольно рассмеялся в ответ, наслаждаясь его бессильной борьбой. Смерть старого Саймона, его друга, стала тем самым последним, роковым камнем, что непоправимо пошатнул ту хрупкую, надёжную плотину, что он с таким трудом выстраивал в своей душе долгие годы. Тот железный самоконтроль, что он кропотливо, по кирпичику, возводил внутри себя, теперь дал глубокую трещину, и сквозь неё в его душу уже сочилась ледяная чернота. Он чувствовал, как она медленно, но верно растекается по его венам, заполняя собой каждую клеточку пугающей, чужой силой, и он сейчас был совершенно бессилён, ничего не мог с этим поделать, будучи в этот момент просто пустым, разбитым сосудом, до краёв переполненным невыносимой болью и глухой, слепой яростью, слишком потерянным и опустошённым, чтобы хоть как-то сопротивляться.

— Это же знак Гильдии Терзающих душ, — едва слышно, одними губами, прошептала Талли, и в её внезапно севшем, охрипшем голосе отчётливо прозвучал ужас, пока её расширенные, испуганные глаза буквально прилипли к этому жуткому, кровавому символу на стене, заставляя её непроизвольно отшатнуться назад. — Но как же они могли узнать?.. — Она сильно, до побеления кожи, прикусила свою пухлую, нижнюю губу, задумчиво, встревоженно нахмутив тонкие брови.

Бернар не ответил ей, не нашёл в себе сил, потому что в его голове сейчас настойчиво, оглушительно гудел один единственный, навязчивый вопрос, с болезненной силой вытесняя собой всё остальное: *«Как, чёрт возьми, они могли узнать?»* Ведь никто, абсолютно никто не должен был знать об этом месте. Никто... кроме... И тут внезапно его осенило. Эта мысль ударила в голову с такой пугающей ясностью и болью, словно ему в самую грудь, прямо в сердце, с размаху вогнали раскалённый, докрасна клинок, пробивая насквозь.

«Нет, только не это. Этого просто не может быть, я не верю. Она не могла... Нет, только не она...»

Кадык резко, судорожно дёрнулся, с огромным трудом проглатывая тот горький, удушливый ком отчаяния, что встал поперёк горла. Внутри всё кричало и рвалось наружу, настойчиво, властно требуя немедленных, решите

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.